

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЦЕРКВЕЙ ЕХБ № 1, 2012 (приложение)

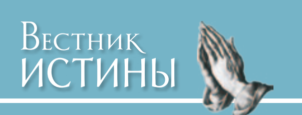
Верою побеждали царства...

Евр. 11, 33

Дмитрий Васильевич МИНЯКОВ

1921—2012

Памяти благословенного служителя МСЦ ЕХБ

Духовно-назидательный журнал Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов

Издаётся с 1963 года

Выходит шесть номеров в год

Издаётся на пожертвования верующих

Распространяется безвозмездно

Отпечатано в типографии издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ

Москва

1 (216) . 2012
(приложение)

В НОМЕРЕ

Стойте в истине!
Д. В. Миняков — 1

ОНИ СТРЕМИЛИСЬ К НЕБЕСНОМУ

«Верою побеждали царства...»
(Памяти члена МСЦ ЕХБ Д. В. Минякова) — 2—11

Открытое письмо детей Д. В. Минякова всем верующим ЕХБ — 12—15

Последний долг любви — 16—20

Добрые свидетельства — 21—25

Соболезнования — 26—27

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА

«Пронесут имя ваше, как бесчестное...»
(Судебный процесс Д. В. Минякова, 1968 г.) — 28—32

СТИХИ, СТИХИ, СТИХИ — 3 с. обл.

Памяти Д. В. Минякова
«Верующий в Меня...»
Брату Д. В. Минякову
«В нашем братстве его уже нет...»

Стойте в истине!

Дорогие друзья, стоящие в одном строю Церкви Христовой, мир вам!

Дорогие дети Божьи, вставшие на защиту истины и не отдавшие греху ни копыта! Мы радуемся о вас и благодарим Господа, Который сохранит вас до конца в чистоте евангельского учения.

Всем твёрдым и непоколебимым пловцам, которые не дрогнули и не пали духом пред грозой, наш искренний христианский сердечный привет!

Мы, ваши братья, находящиеся за имя Христа в разлуке с вами, услышали радостную весть, что многие дети Божьи пробудились от беспечности и нерадения и вышли навстречу всем бурям и ураганам с желанием очистить и приготовить сердце к встрече с любящим Спасителем. Слава Господу, что Он, начавший великое святое дело очищения церкви, продолжает его, и многие через различные испытания уже приготовили свои души к блаженному входу в вечный покой.

Наряду с радостной вестью есть и скорби, которые для нас тяжелее уз. Мы потрясены действиями тех, которые не только сами, но и других повели опять на извилистый путь приспособленчества. Господь восклицает: «Что еще надлежало сделать народу Моему, чего Я не сделал? Почему, когда Я ожидал, что он принесёт добрые плоды, он принёс дикие ягоды?» Что же побудило этих христиан опять созидать то, что они разрушали, сделав себя преступниками (Галатам 2 гл.)? Мы знаем, что голос наш по отношению к ним — это голос вопиющего в пустыне, но не к ним мы говорим, потому что они — духовные теоретики, хотя и считают себя мудрыми, но не желают понять дух современного отступления. Тот, кто в разгар сильного духовного сражения оказался неверным, кто, увидев чужие полкѝ, которые ведёт сатана, дрогнул и изменил друзьям, оставив их на уничтожение, изменил Христу и всему Божьему делу, может ли внимать словам истины, если и будешь говорить ему? О, если б они скрылись под можжевеловый куст и посидели в тени, пока наберут силу и уразумеют всё!

Но они перебежали на сторону отступников и этим укрепили их пошатнувшийся трон. Они поддержали опустившиеся руки отступников, которые с большим усердием, соединив силы с неверием, восстали на тех, кто не согласен с их отступлением.

Трудно объяснить такое непостоянство верующих, которое не всегда увидишь даже у язычников. Когда всё тихо и хорошо, друзья неразлучны, вместе поют гимны: "Я готов с Ним на Голгофу...", "Смерть за Христа не страшна..." и т. д. Но вот пошли дожди, разлились реки, подули ветры, посыпались угрозы, предупреждения, запугивания — и исчезла смелость и преданность Господу. Начались уступки, приспособления, чтобы сохранить себя от скорбей. Сатана в это время усердно шепчет: «Будь милостив к себе! Да не будет этого с тобою, чтобы ты оставил своих милых деток, любимую жену и пошёл скитаться, причтённый к злодеям». И вот такой христианин, попавший в сети дьявола, старается защищать, оправдывать своё отступничество, вместо того чтобы стоять, как воин на посту, с Божественным мечом в руках.

Такие поступки верующих нельзя рассматривать иначе, как приспособление ко всему современному, совершаемому для того, чтобы не страдать за Христа.

На нас, меньших, исполняются Божьи слова: «И будут гнать вас и всячески неправедно злословить за Меня».

Разве не ясно, что у всех отступников опора не Бог, а милиция?..

Вспомните Валаама, у которого, на первый взгляд, не было плохих намерений, но Бог спросил: «Что это за люди у тебя?» Вместо того чтобы до конца бороться с тьмой, бороться с ложью некоторые с ней в мире, а она в войне с искренними детьми Божьими.

Вас в рядах борцов Христовых нет. Где же вы? Вы обиделись на стих Писания, упомянутый в первом письме… Но избавление придёт, Господь всё может. Он всё потрясёт, поколеблет, но детям Своим даст избавление. А где же вы тогда будете? Можете и на нас теперь обижаться, но Господь побуждает нас предупредить вас.

Не думайте, что кто-то уцелеет, прячась за спины отступников.

Если врагам истины удастся загасить пламя пробуждения Божьего народа, то с отступившими им и делать нечего. Кто не собирает, тот расточает. Что же вы думаете делать после всего этого?

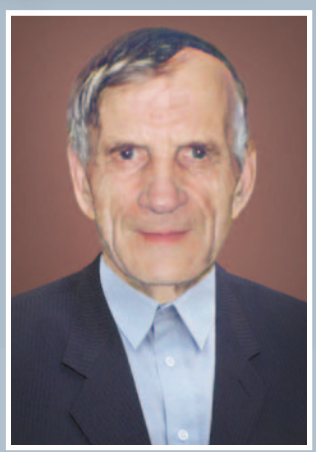
Мы, дети Божьи, испытавшие сладость страдания за Христа, взываем к беспечным к Божьему делу: «Неужели снова Христу приходить на второе распятие за отступление церкви?! Неужели нет сочувствующих и сострадающих делу Божьему, за которых Христос однажды умер?» Бог ещё вчера дал бы победу, но нужно открыться таким, которые выдают себя не за тех, кем являются на самом деле.

Всем любящим Господа, а не себя — наш горячий привет! Стойте до последнего в истине!

1962 год **Д. В. МИНЯКОВ**

«Верою побеждали царства...»

«Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцом Моим на престоле Его». Откр. 3, 21

Д. В. МИНЯКОВ
1921–2012

Они повернули историю вспять

19 февраля 2012 года победно завершил земное поприще служитель Международного Совета церквей ЕХБ —

МИНЯКОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ.

Общинам нашего братства он известен как верный и бескомпромиссный служитель. Он всегда имел в себе приговор к смерти. Никогда не уклонялся от трудностей узкого пути. Был бесстрашным воином Иисуса Христа, готовым до последнего вздоха отстаивать независимость и чистоту Церкви Христовой.

Из прожитых Дмитрием Васильевичем 90 с лишним лет — 50 необыкновенные годы — годы чудес и Божьей славы. В лице этого яркого служителя Бог нашёл Себе верного подвижника, исполнившего Его волю не потому, что беспощадные гонители принудительно сослали его за тридевять земель, и тут уж никуда не денешься. Вовсе нет. Дмитрий Васильевич добровольно исполнил предначертанное ему, исполнил, благоговейно любя Бога. Преданной жертвенной любовью к Богу и Его возлюбленной Церкви такие, как Дмитрий Васильевич, Геннадий Константинович, как убиенный за любовь к Иисусу Христу Н. К. Хмара, как многолетний страдалец Н. Е. Бойко, как пламенеющий первой любовью к Спасителю юноша-мученик Иван Моисеев и многие испытанные в горниле страданий христиане, повернули историю вспять.

Общеизвестно, что враг душ человеческих в прошлом жестоком веке надеялся покончить с организованной религией, искоренить всякое упоминание о Боге и воцарить антихриста. Кто же в это лютое время встал на защиту Божьего дела? — Ничего не значащие в мире, вняв побуждению Духа Святого, не стали советоваться с плотью и кровью, и Бог явил через них Свою могущественную силу: атеизм пал. Коварные планы антихриста Бог разрушил. Воистину велики те христиане, кто отдал себя в безоговорочное послушание Богу.

«Меня нашли не искавшие Меня»

Дмитрий Васильевич родился в глухой глубинке на Смоленщине в далёком 1921 году. В бедной, не знающей Бога семье. В его родстве верующих не было. До 28 лет он никогда не видел людей, молящихся Богу, и не держал в руках Евангелие. В 1934 году его и сестру, а также двух двоюродных подростков родной дядя увёз к себе в Хабаровск. Отсюда его призвали в армию в Благовещенский мотострелковый полк, а в июле 1941 года их Дальневосточную часть отправили на фронт. Под Смоленском их часть попала в окружение. Военное начальство дало команду: «Спасайтесь, кто как может!», а сами — на самолёт и скрылись.

Стояла глубокая осень. Трудно передать словами, что пережи-

ли солдаты, бродя по лесу без пищи и воды. Однажды нужно было перейти через поляну из одного леса в другой. Ночь — темнейшая, но от трассирующих огненных пуль было светло, как днём. Сражённые солдаты падали один за другим. Трупы лежали как снопы. Пулемёты строчили без перерыва, а живые шли и шли на верную смерть. Шёл и Дмитрий Васильевич, не рассчитывая на жизнь. Думал: какая разница от чего умереть — от голода или от пули. Долго идти он не мог и упал, потеряв сознание от истощения.

Молодые годы

Очнулся Дмитрий Васильевич в дощатом сарае от возгласов военнопленных: «Нас сейчас подожгут!»

Солдат совершенно не кормили. Доведённые до отчаяния люди срезали кожу с умерших, но охранники их тут же расстреливали.

Сарай, куда их свезли, раньше был зернохранилищем. Сквозь щели пола когда-то просыпалось зерно. Они отрывали доски, собирали зёрна и ели вместе с землёй.

Рядом был другой сарай, куда выносили трупы. Пришло время и Дмитрия Васильевича вынесли туда, посчитав мёртвым. Об этом он рассказывал так: *«Я очнулся ночью. Темно. Дотронулся до человека, лежащего справа, а он мёртвый. Лежащий с другой стороны — тоже мёртв. Неудержимая дрожь прошла по спине. С трудом поднявшись, я вышел из этого сарая, так как его никто не закрывал. Шатаясь, побрел к бараку, где были ещё живые. И вдруг прямо передо мной — немецкий охранник щёлкнул пистолетом. Выстрела не произошло: осечка. Второй раз выстрелил, и опять осечка. Охранник махнул рукой и ушёл. Позднее я понял, что только Бог сохранил мне жизнь.*

Всем выжившим выдали военную форму и заставили разбирать разрушенное здание пекарни. Наклонишься за кирпичом, постоишь на четвереньках, пока соберёшься с силами, чтобы переложить его в сторону.

Недалеко оказалась яма, куда когда-то вываливали тесто. Мы окружили эту яму и поглощали тесто с грязью, песком и мусором. Дней десять выводили нас сюда на работу, и мы немного окрепли.

Затем 17 солдат погрузили в товарный вагон и привезли в деревню Ольша Смоленской области. По дороге два солдата умерли, их выбросили. Третий умер по прибытии на место.

Здесь под охраной мы расчищали снег. Нас понемногу кормили варёными очистками от овощей — хоть что-то горячее проходило через желудок. Жители деревни иногда украдкой передавали нам еду.

Описать пережитое невозможно. При одном воспоминании приходишь в ужас.

Собравшись с силами, я решил с товарищами бежать. Нас сразу поймали и увезли в Польшу».

Линия фронта неумолимо двигалась на Запад. Как только пленные узнали, что советские войска вошли в Польшу, они, как были в форме, так и выбежали навстречу танкам. Нашли командира, объяснили, что русские, но попали в плен. Никто из них не мог и предположить, что всех отошлют сразу в СМЕРШ (Сокр. от «Смерть шпионам»).

Дмитрия Васильевича и тысячи других солдат приговорили к расстрелу за то, что попали в плен. Приговорённых выводили по 10 человек, ставили на краю оврага и расстреливали. Дмитрию Васильевичу оставалось жить несколько минут, и в этот момент подъехал на мотоцикле какой-то офицер и передал приказ командующего: всем заменить расстрел на 25 лет тюрьмы. Таким образом, Бог спас его от явной смерти.

В 1944 году его судили.

— За что вы меня судите? — гневно возмущался он (был тогда ещё неверующим). — Наша часть попала в окружение!

— Патриоты умирали, а в плен не сдавались! — обвиняли его.

— Я не сдавался в плен и не помню кто, когда и куда взял меня истощённого и как я вообще остался живой.

— Ты изменник!

— Это вы изменники! — в сердцах доказывал он офицерам. — Солдат оставили, а сами спаслись.

Его осудили на 8 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

Не успел он как следует обосноваться в Мариинском лагере (Кемеровская обл.), как тут же попал в переделку: по зоне разнеслось, за что его осудили, и лагерное жульё проиграло его в карты. Он видел их, сидящих кру́гом на корточках, а в середине воткнутый нож: они решали, кому взять нож и убить новичка.

В лагере военнопленных Дмитрий Васильевич не раз смотрел смерти в глаза и видел бесчисленные трупы. Умирать не страшно было. Всё казалось конченным: убьют, так убьют... Необъяснимое безразличие владело всем его существом.

«Знаешь, Бог может спасти из любой ситуации», — произнёс кто-то сзади. Дмитрий Васильевич оглянулся. Рядом с ним стоял один из заключённых, незнакомый, как и все остальные.

— Нет! — уверенно ответил он, — никакой Бог не изменит решения главаря. Я знаю это точно.

И всё-таки по молитвам ли этих верующих людей, или по какой-то другой причине, но убийство не состоялось. Шайку картёжников расформировали: одних отправили в другой лагерь, других закрыли в ШИЗО.

Неизвестно почему, зеки поставили его в известность: «Вот эти двое, что ходят вместе, богомольные».

«Чудно́! Бога нет, а они кому-то молятся!» — недоумевал Дмитрий Васильевич, но всё же подошёл к ним и прямолинейно спросил:

— Вы и вправду богомольные?

— Мы верующие, — тон их был дружелюбный.

— А в кого верите?

— В Бога.

— Где Он, ваш Бог? — вопросы сыпались без остановки один за другим.

— Везде.

— Да вы что?! Столько лет я прожил и нигде Его не видел.

Они стали рассказывать о Боге, а он, словно в глухих дебрях жил, — ничего подобного не слышал.

— Ты когда-нибудь читал Евангелие?

— Никогда его не видел и понятия не имею, что это такое.

— А как молятся, ты когда-нибудь слышал?

— Кроме матерной брани, я ничего не слышал.

Верующие охотно предложили ему почитать переписанные листочки из Евангелия. Но это занятие ничего ему не принесло — он ничего не понял.

— Ты молись Богу и поймёшь.

— А где молиться?

— На всяком месте, и Бог тебя услышит.

К совету он прислушался и помолился: «Господи, прости, я ничего о Тебе не знаю... Откройся мне».

Вышел ночью из барака — светло, как днём. Высоко над головой висел полный диск луны. Взглянул он на небо, и смягчилось сердце, вырвалась сердечная молитва. Молился он потом и на тюремных нарах, укрывшись с головой одеялом. Сознание прояснилось, душа отчётливо поняла, что Бог присутствует всюду. Рыдания несли облегчение, и лишь горькое сожаление: «Как я раньше об этом не догадывался!» — время от времени всплывало в измученной душе.

В 1949 году Дмитрий Васильевич, находясь ещё за колючей проволокой, покаялся, принял крещение и впервые участвовал в вечере Господней с другими верующими узниками. Ревность молодого христианина поощрила пресвитера-узника Дергачёва Ивана Васильевича перед своим освобождением рукоположить его, чтобы он совершал хлебопреломление остающимся в лагере.

Трудности и благословения жизни на свободе

Выйдя на свободу в 1952 году, Дмитрий Васильевич поселился в Мариинске и принял пресвитерское служение в небольшой группе верующих. Горя огнём первой любви к Спасителю, он проповедовал от души, и к церкви присоединилось человек 15.

Прошёл год. Он познакомился с сестрой хористкой Новосибирской церкви, искренней христианкой — Кондрашовой Антониной Михайловной. 13 декабря 1953 года состоялось их бракосочетание. *«Этот замечательный человек,* — вспоминал Дмитрий Васильевич, — *дан был мне Самим Богом. Она никогда не препятствовала мне в служении и с удивительным терпением переносила все трудности совместной жизни. Бог подарил нам девять детей. Живыми остались четыре сына и дочь. Двое малых детей родились и умерли, когда я находился в заключении как служитель церкви».*

С женой Тоней

Переезд с семьёй в Барнаул состоялся в 1958 году. Там он проповедовал в зарегистрированной общине. Молодёжи в церкви было человек 60. Утреннее воскресное богослужение посещала почти вся молодёжь, а вечером — кто-то шёл в кино, кто-то на пляж. Как-то после очередного утреннего собрания Дмитрий Васильевич вместе с богобоязненными братьями Фирсовым В., Гауфом В., Штерцером А., Диком А., Паульсом Я., понимающими неверное поведение молодёжи, встал в дверях молитвенного дома и попросил молодёжь остаться для беседы.

— Хотя вам с кафедры сами служители предлагают билеты в кино, однако, если вы соглашаетесь с этим, то такое ваше служение Богу оскорбляет Духа Святого.

— А что делать? — искренне недоумевали молодые друзья.

— Назначим пост и молитву и будем собираться в другом месте...

Если бы вы слышали молитвы покаяния братьев и сестёр, их вопль к Богу! Плач, рыдание, горячее желание служить Господу по истине не прошли мимо ни одной души. Сам Бог совершил переворот в юных сердцах. Жизнь молодёжи обновилась.

Прошло с полгода, и молодёжь пожелала запечатлеть на фотографии памятные дни возрождения. «Фотографируйтесь, но только без меня», — не возражал Дмитрий Васильевич. «Нет, мы без вас не пойдём...» — настаивали они. «Беда будет!» — предупредил он, но убедить не смог.

Фотография, разумеется, попала в КГБ. Враг душ человеческих ополчился неимоверно. Дмитрия Васильевича задерживали прямо на улице, когда он шёл с работы, и увозили в КГБ. Там требовали назвать фамилию каждого: «Кто это? Кто это?» Сами называли фамилию и заставляли, чтобы он уточнил, подтвердил. Испытание было не из простых. Ни одной фамилии он не назвал.

— Долго ты будешь мучить нас? — кончалось терпение у работников КГБ.

— Вы же всех до единого знаете — в чём ваше мучение?

На одном из таких допросов он сидел в кабинете вполоборота к двери. Видит, вошёл человек мощного телосложения и направился к нему, взгляд жестокий. «Я сейчас задавлю тебя!» Дмитрий Васильевич вздрогнул и от его вида, и от грозного голоса.

Майор, ведущий допрос, назвал человека по имени и отчеству и пояснил: «У нас беседа пока идёт хорошо, зайдёте позже...»

В 1960 году, когда Дмитрий Васильевич был ещё в Барнаульской зарегистрированной общине,

подполковник КГБ Моцар склонял его сотрудничать с ними по церковным вопросам. «Ты не первый и не последний! С нами работает не один десяток верующих! Чего ты боишься?» В иные дни с Дмитрием Васильевичем поочередно беседовали по два—три работника КГБ. В ход пускалось всё: похвала, лесть, забота о здоровье и материальном благополучии семьи. Когда это не срабатывало, переходили к угрозам: «Мы превратим тебя в ничто. Ты не увидишь ни семьи, ни свободы!..»

Ответ Дмитрия Васильевича был всегда один: «Лучше умереть с Господом, чем жить без Него».

Несмотря на угрозы, молодёжь собиралась отдельно и изучала Слово Божье.

Ревнуя о чистоте евангельского служения, Барнаульская церковь в 1960 году отлучила отступившего от истины пресвитера Саблина Я. Ф. Он тесно сотрудничал с властями, и они пришли в церковь не допустить его отлучения. Это не удалось, и тогда закрыли молитвенный дом.

СЛУШАЛИ: Решение № II6/I от 28.II.1961 г. исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся о закрытии молитвенного дома ехб в г. Барнауле и снятии общества ехб с регистрации за нарушения законодательства о культах, выразившиеся в запрещении верующим посещать кино, театры, клубы, вовлечение молодежи и детей в секту, а также невыполнение требований пожарного надзора и санитарной инспекции.

Общество ехб в г. Барнауле было зарегистрировано в 1945 г. с количеством верующих - 163 человека. В настоящее время в нем насчитывается более 300 человек.

ГАРФ, ф.6991, оп.3, д.1357, л.51

Верующие стали проводить богослужение по домам, избрали пресвитером Барнаульской церкви Дмитрия Васильевича. Время было тяжёлое, служение нести было весьма сложно, потому что в большинстве общин пресвитерами были поставленные властями такие, как Саблин.

Нелёгкий путь избавления церкви

Осенью 1961 года Первое послание Инициативной группы достигло далёкого сибирского края. Знакомясь с ним, многие дети Божьи не могли удержаться от рыданий. Глубоко скорбя об отступлении Божьего народа, бодрствующие христиане увидели в этом Послании то же беспокойство и то же страдание о деле Божьем, какое переполняло их душу. Дмитрию Васильевичу казалось, что Сам Бог изложил на бумаге то, что мучило и терзало его. Барнаульская церковь сразу же присоединилась к ходатайству о созыве съезда церкви ЕХБ.

Посещение Геннадием Константиновичем Крючковым в конце 1961 года межобластного совещания служителей Сибири оставило неизгладимый след в сердце живущих по Божьей воле. Он подробно и убедительно объяснил отступление работников ВСЕХБ, призвал всех к верности Богу и жертвенному служению Ему. До этого, томясь душой о беззаконии и нечестии, многие не видели пути избавления от порабощения церкви. Но после благословенной беседы выход из бедственного положения церкви стал ясен. Словами трудно передать, насколько всё это оказалось близко и понятно Божьему народу! Верующие возликовали и возблагодарили Бога!

В канун Нового 1962 года Геннадий Константинович посетил Барнаульскую церковь и лично семью Дмитрия Васильевича. Для обоих эти дни остались незабываемыми на все годы. Верный Божий страж пригласил Дмитрия Васильевича на совещание Инициативной группы. С тех пор его служение в деле великого пробуждения церкви ЕХБ прерывалось только узами.

В апреле 1962 года на расширенное братское общение служителей Сибири, проходившее в Барнауле, вновь приехал Г. К. Крючков. На этом общении братья Сибири избрали Дмитрия Васильевича в Оргкомитет по созыву съезда церкви ЕХБ. Он знал, что путь, на который становится, будет более тернистым, но избегать трудности значило для него — отречься от истины...

Однажды жена Дмитрия Васильевича присутствовала в доме, где проходило совещание служителей гонимого братства. Обстановка, в которой приходилось собираться служителям для обсуждения церковных вопросов, живо напомнила Антонине Михайловне события 30-х годов. Она была подростком, когда и у них в доме, в Омске, проходило общение служителей, которых она знала лично, но в последующем их почти всех замучили или они умерли в тюремных застенках. Глядя на наших служителей, сердце подсказывало ей, что и служители гонимо-

Узники Барнаульской церкви, 1963 г.

Слева направо: Лебедев Г. Д. осуждён на 4 года строгого режима с конфискацией имущества; Михальков Ю. И. — на 3 года общего режима; Штерцер А. — на 5 лет общего режима; Миняков Д. В. — на 5 лет строгого режима с конфискацией имущества; Будимир И. М. — на 2 года строго режима.

Д. В. Миняков (слева) **и А. Штерцер после суда, 1963 г.**

го братства — такие же обречённые смертники за дело Божье, как и те братья.

В 1963 году вместе с четырьмя братьями Барнаульской церкви Дмитрия Васильевича осудили на 5 лет с конфискацией имущества. Суд был чудовищный, так как атеистическая клевета через кино, радио, газеты настолько настроила людей против верующих и разожгла такую ненависть, что разъярённая толпа готова была растерзать их.

(Записи этого процесса опубликованы в журнале «Вестник истины», №3, 2011 г., с. 57)

Несправедливый суд надо мной и моими братьями по вере был подобен бурному ветру, направленному на костёр веры, горящий в нашей душе, — торжествовал в душе Дмитрий Васильевич, излагая в письме свои впечатления.

Но после суда яркое пламя любви к Господу разгорелось ещё сильнее, так что гонители не знают, что делать с нами, как заставить нас замолчать и не возвещать о Господе.

Их цель ясна: они пытаются оклеветать служителей Божьих перед обществом и подорвать их авторитет в глазах верующих. Однако и здесь они не преуспели.

Народ Божий и мы, узники, только радуемся, когда наше доброе имя мир проносит, как бесчестное за Господа нашего Иисуса Христа (Лук. 6, 22—23).

Их ненависть убеждает нас, что Христос пребывает с нами и мы — на верном пути.

Гонители ищут во мне вину, но её нет. Да, я — христианин! Да, я — дитя Божье! И моё упование на Бога ни плетью, ни бомбой не выбить из сердца.

Пока я хожу, пока дышу, пока сердце моё бьётся — я весь живу для Господа. Он — хранитель мой, и никакие силы ада не похитят меня из Его руки.

Если надо, пусть убивают тело, душу же мою они не могут убить, — так сказал Христос. Меня утешают и слова этой песни:

«Ты — Мой! Не бойся ничего,
Хотя бы мир поднялся целый
И все свои направил стрелы
В слугу спасенья Моего...»

«Моё имя Дмитрий, а не Иуда»

Дмитрий Васильевич, отбывая как христианин первый срок заключения, при очень тяжёлом состоянии здоровья прошёл около 12 тюрем и лагерей, так что не надеялся остаться в живых.

В 1965 году многих узников освобождали досрочно. В их число включили и Дмитрия Васильевича. На свободе он продолжил порученное Господом служение в составе Оргкомитета, и на Всесоюзном совещании служителей братства 19 сентября 1965 года, когда Оргкомитет был преобразован в Совет церквей, единодушным решением присутствующих был избран членом Совета церквей ЕХБ.

Безбожный мир с особой яростью ополчился на тех, кто жертвенно и навсегда посвятил себя Господу и церкви. В 1966 году почти весь состав служителей Совета церквей был арестован, а на Дмитрия Васильевича объявили всесоюзный розыск. Оставаясь на свободе, он по поручению Геннадия Константиновича осуществлял руководство братством. На нём лежала большая ответственность перед Богом и церковью сохранить в это сложное время Божий народ на верном пути. Бог помог Своему рабу ни в чём не запятнать себя компромиссным поведением.

Ревностный труд продолжился недолго: 25 августа 1967 года Дмитрия Васильевича тайно арестовали в Казани. Тут же из Барнаула прибыл подполковник КГБ Вартанян. «Никто не знает, что ты арестован, — заявил он. — Одно твоё слово — и ты на свободе. Ты больной, у тебя большая семья, зачем тебе сидеть в тюрьме? К тому же мы можем написать о тебе такое, что от тебя отвернутся все верующие. Подумай хорошо и избери лучшее».

На второй день беседа была краткой. После того, как Дмитрий Васильевич решительно заявил: «Моё имя Дмитрий, а не Иуда», угрозы сыпались одна за другой: «Мы тебе жить не дадим! Отсидишь 3 года, опять арестуем! Сгноим в тюрьме...». Через день его срочно отправили в Барнаульскую тюрьму и осудили вторично. *(Краткие записи судебного процесса помещены в этом номере журнала на странице 29.)*

Новый срок — три года — он отбыл полностью. В этот раз, всё такой же больной и истощённый, он прошёл через 18 тюрем и лагерей.

«По тактическим соображениям»

В этапных мытарствах из Барнаула в Хабаровск и обратно Дмитрий Васильевич длительное время находился в контакте с больными туберкулёзом. Поскольку он предрасположен к этой болезни, у него произошла новая вспышка туберкулёза, и по прибытии в Барнаул его поместили в краевую больницу для заключённых. Добиться свидания с больным мужем Антонина Михайловна не смогла и, опасаясь за его здоровье, 13 октября 1968 года отослала в правительство тревожную телеграмму: *«В течение последних двух недель он не поднимается с постели. Мы*

*знаем, что в настоящее время имеются разнообразные средства для физического уничтожения человека, поэтому выражаем Президиуму Верховного Совета наше опасение, чтобы в нашем городе (*Барнауле. — *Ред.) не повторился случай физического истребления нашего брата из Кулунды Николая Кузьмича Хмары, только в больничном исполнении...»*

Что происходило дальше, удивит и самого искушённого читателя. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю Коробейщиков И. Я. "по тактическим соображениям" добился работникам ВСЕХБ Лебедеву В. И. и Каюкову А. Л. разрешение на свидание с заключённым Д. В. Миняковым, находящимся в больнице Управления внутренних дел.

Однако эти два человека поспешили в Барнаул вовсе не из желания ободрить больного узника и утешить его скорбящую жену. Если бы они были искренними христианами, им никто и никогда не позволил бы встретиться с таким заключённым, который находится под особым наблюдением не только лагерного начальства, но и высоких чинов из Москвы.

Сотрудники довольно высокого ранга: Совет по делам религий, соответствующие работники крайкома Коммунистической Партии Советского Союза и работники Управления комитета госбезопасности 15 декабря 1968 г. организовали им это свидание. Устроили его специально, чтобы выяснить, как Дмитрий Васильевич смотрит на объединение общин Совета церквей с центральным руководством ВСЕХБ. Допущенные к свиданию работники ВСЕХБ в течение двух часов обсуждали этот вопрос на состоявшейся встрече в тюремной больнице.

С этой же целью Лебедев и Каюков выборочно посетили на дому верующих Барнаульской церкви, а затем, как сообщает Коробейщиков в секретной записке, были на богослужении в отделённой общине. Выступить с проповедью Лебедеву пресвитер церкви Штерцер Артур не позволил. Он высказал подозрение в отношении миссии Лебедева: «Мы телеграмму ВСЕХБ не посылали. Мы тоже просили свидание с Миняковым, но получили отказ. Как легко всё удаётся представителям ВСЕХБ!»

«Легко всё удаётся...», но какой ценой? Эти печальные события происходили в то напряжённое время, когда основной состав служителей Совета церквей на три года был брошен за решётку. Именно в то время, когда повсеместно велись разгоны богослужений в общинах отделённого братства; когда штрафы за участие в богослужении выражались в невероятно высоких цифрах, а церкви оставались без верных пастырей и ревностных тружеников Евангелия, на съезде ВСЕХБ в 1966 году была создана «Объединительная комиссия». Она получила неограниченные возможности для возврата бодрствующего братства под руководство ВСЕХБ. Председателем этой комиссии был Лебедев Василий Иванович, рука об руку с гонителями осуществлявший эту коварную миссию.

Становится понятно, почему Дмитрия Васильевича, недавно прибывшего изнурительным этапом в Хабаровск, срочно возвратили в Барнаул: осуществлялось запланированное безбожным миром мероприятие — низложить Совет церквей — таковы были "тактические соображения" борющихся с церковью и действенную помощь в этом оказывали им отступившие от истины работники официального союза!

Оставшиеся на свободе служители братства предупреждали в те годы Божий народ об опасности, какую несёт с собой разрушительная работа «Объединительной комиссии»: *«Во все времена Церковь Христова больше всего страдала и страдает от пребывания в ней людей, отступивших от истины Божьей. И в наши дни есть много таких, которые считаются служителями церкви, но на самом деле имеют только вид благочестия, силы же его отреклись (2 Тим. 3, 5). Оставивши прямой путь, они пошли по следам Валаама (2 Петр. 2, 15) и, как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, вводя в заблуждение и заблуждаясь (2 Тим. 3, 8—13)».*

(«Братский листок», №2, 1967)

Под неослабным контролем на свободе

25 августа 1970 г. после 3-летнего заключения Господь открыл перед Дмитрием Васильевичем двери свободы. «Но не для покоя в мире этом Христова Церковь создана. Ей Богом и Его заветом здесь только битва суждена».

За день до освобождения дорогого узника верующие Барнаульской церкви отправили в крайком

Лагерная жизнь позади!

заявление с просьбой выделить помещение для богослужения, посвящённого встрече из уз Дмитрия Васильевича. Представители Отдела внутренних дел предупредили пресвитера церкви, что «любые собрания их незарегистрированной в органах власти общины являются незаконными и что никаких встреч Минякову делать не следует».

Однако 30 августа по милости Божьей встреча состоялась, хотя милиция и люди в штатском вели пристальное наблюдение за ходом торжественного богослужения: посчитали всех присутствующих (200 чел.), требовали выяснить фамилии неизвестных им гостей: «Личность установить, проверить по чьему вызову они ездили в Барнаул, на какие средства и как были отпущены с производства?»

Далее осведомители доносили уполномоченному:

«Отношение Минякова Д. В. к Законодательству о религиозных культах не изменилось, и время, проведённое им в заключении, едва ли чему-нибудь его научило...

16 сентября 1970 г. с Миняковым встречались в Барнауле старший пресвитер по Западной Сибири Бородинов К. П., его помощник Фаст Я. Я. и пресвитер Барнаульской зарегистрированной общины Никонов А. Д. В разговоре с ними Миняков показал непримиримость к действующему законодательству о культах («Церковь должна быть абсолютно свободна от государственного контроля!») и вытекающую отсюда невозможность возвращения откольнических общин в систему ВСЕХБ [...]

Миняков отождествляет руководителей ВСЕХБ с государственным аппаратом, утверждая, что принципиального отличия их от органов безопасности не существует.

Служителей... в зарегистрированных общинах Миняков считает ставленниками уполномоченных Совета по делам религий. [...]

Таким образом Миняков Д. В., получив после освобождения из-под стражи возможность участвовать в нелегальной работе «совета церквей», может оказаться в лагере откровенных противников легализации отколовшихся баптистов».

Понятно, что после такой ясной и твёрдой духовной позиции гонители не могли не препятствовать служению Дмитрия Васильевича. И всё же за короткий промежуток времени он как служитель Совета церквей провёл совещание служителей Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, участвовал в совещании Совета церквей в Ростове-на-Дону и посетил со словом наставления многие общины братства.

Третий арест

19 ноября 1971 года Дмитрий Васильевич снова оказался на тюремных нарах, потому что отверг предложение оставить служение в Совете церквей, не соглашался на вербовку спецслужб, был несгибаем. Представители «Объединительной комиссии» пытались через него склонить общины отделённого братства к единству со ВСЕХБ, но безуспешно. Господь помог дорогому узнику самому победно выйти из этого искушения и не дать повод Божьему народу объединиться со ВСЕХБ на греховных путях.

Почему Дмитрий Васильевич, как некогда Апостол Павел, ежечасно подвергался бедствиям (1 Кор. 15, 30—31)? Почему вновь и вновь рисковал жизнью? — Он не подавал сильным мира сего никаких надежд, что с ним можно договориться.

А гонители уже запускали следующую программу по низложению независимого братства: был предпринят массированный поход на общины, чтобы зарегистрировать их автономно, а в последующем вернуть во ВСЕХБ. Многих бодрствующих служителей почти одновременно в очередной раз заточили в узы, а сдавшимся, кто склонился перед миром и согласился на автономную регистрацию, расчистили путь разрушать братство.

Вот почему Дмитрий Васильевич всего полтора года был на свободе и вновь оказался изолированным от церкви и семьи. Он мешал регистрировать общины автономно, никакой другой вины за ним не числилось. Поэтому сразу после ареста Дмитрий Васильевич положил в сердце не принимать пищи и пребывать в посте и молитве.

— Почему не ешь? — допытывались сокамерники.

— Это личное дело. Можете брать мой паёк.

— Миняков, вам жена принесла передачу, пойдите получите, — сообщил дежурный.

— Ребята, я передачу возьму, только съешьте её вы, — попросил Дмитрий Васильевич.

— Никто не притронется к твоей передаче! — категорично заявили зэки.

Дмитрия Васильевича сопровождал дежурный, но встретиться с женой ему не позволили и он отказался принять передачу. Так жена узнала, что он находится в посте.

А в Барнаульской церкви в этот период местные власти не давали провести спокойно ни одного богослужения: верующих избивали, штрафовали, разгоняли. При обысках изымали не только Библии и песенники, но и музыкальные инструменты. Уводили на допросы детей. Родители решили не отпускать детей в школу, чтобы над ними не издевались. Развезли их по разным городам, и они весь год не посещали школу.

Арест ни в чём не виновного служителя Д. В. Минякова стал последней каплей, переполнившей терпение верующих. В ноябре 1971 года две сестры и два брата отвезли в Москву в приёмную Президиума Верховного Совета СССР 92 паспорта и 21 военный билет верующих Барнаульской церкви. «Мы не хотим жить с паспортами на свободе, когда наших служителей безвинно уничтожают в тюрьмах», — единодушно заявили они. Дмитрий Васильевич об этом не знал.

Прошло 12 суток поста. В камеру к нему пришла тюремный врач.

— Мы вынуждены кормить тебя искусственно...

— Дело ваше...

— Начни принимать пищу...

— Не буду.

Дежурный солдат усадил Дмитрия Васильевича на стул, заломил ему руки за спинку стула и повернул его голову с такой силой, что Дмитрий Васильевич потерял сознание.

«Я не отвечаю за его жизнь...» — заявила в тревоге тюремный врач и ушла.

Тюремное начальство засуетилось.

— Пиши жалобу, — предложил заместитель начальника Черных и положил перед Дмитрием Васильевичем блокнот.

«Разрешите служителю нашей церкви Ивану Гауфу совершить причастие (преподать мне вечерю Господню), — написал изнемогший узник, — и позвольте моей жене попрощаться со мной».

Эти просьбы не удовлетворили.

На 13-й день поста к Дмитрию Васильевичу приехали представители из прокуратуры. Увидев его состояние, они поторопились переправить его в городскую больницу.

На 14-е сутки работники прокуратуры предприняли попытку ещё раз заставить его принять пищу. Угрожали, а потом неожиданно заявили: «Пусть жена заберёт тебя домой...»

Дмитрия Васильевича вынесли на носилках и отдали под расписку жене.

Почему так резко изменилось к нему отношение, Дмитрий Васильевич узнал только дома: верующие Барнаульской церкви, как уже говорилось, сдали 92 паспорта и 21 военный билет, а в заявлении правительству просили прекратить уголовное дело, возбуждённое против Дмитрия Васильевича.

Едва он окреп после третьего незаконного ареста, на дом приехал сотрудник КГБ Немков и увез его в КГБ. Как и раньше, цель беседы не изменилась: подточить силы служителя и сделать его своим агентом. Поскольку взгляды Дмитрия Васильевича остались прежними, Немков в конце беседы злобно сказал: «Не дай Бог, нам встретиться в худшей обстановке!»

Дома после тюремной больницы. Ноябрь, 1971 г.

Напряжённые годы обольщения

Почти два десятилетия (70—80-е годы) прошлого столетия не прекращался соблазн автономной регистрации. Принимали её уставшие от гонений общины, служители которых не пожелали больше страдать. И если зарегистрировавшимся автономно предоставляли временные привилегии, то другим (служителям Совета церквей) продлевали сроки заключения без выхода на свободу. Тех же, кто решительно отверг путь сделок и не повернул на путь отступления, стали лишать жизни, чтобы устрашить остальной народ Божий и заставить искать защиту в регистрации.

По братству прокатилась волна трагичных сообщений о жертвенном подвиге тех, кто свою любовь к Богу запечатлел мученической смертью.

1972 год. За мужественное свидетельство о Христе юношу-солдата Ваню Моисеева избитого и израненного, ещё живого, утопили в Чёрном море.

1974 год. В ссылке убили, а потом повесили отказавшегося зарегистрировать общину пресвитера Шевченковской церкви Ивана Моисеевича Остапенко.

1975 год. Погиб якобы в аварии, на самом деле жестоко замучен сотрудниками КГБ — Иван Васильевич Библенко из Кривого Рога.

1976 год. Убит сотрудниками КГБ твёрдый в вере служитель Черниговской общины — Николай Яковлевич Дейнега.

1984 год. Через три месяца после четвертого ареста в тюремной больнице скончался на операционном столе бескомпромиссный служитель Курской общины СЦ ЕХБ — Борис Тимофеевич Артющенко.

1985 год. С тюремных нар Господь переселил в небесные обители Своего бесстрашного воина — Якова Францевича Дирксена. Служители, знакомые с ним лично, знали подлинную причину его третьего ареста. На общении служителей своего края он твёрдо сказал: «Братья, нам (он имел в виду общины, состоящие из верующих немцев) пора присоединиться к Совету церквей». И этого было достаточно, чтобы лишить жизни дорогого узника. Как Иоанну Крестителю слова правды стоили жизни, так и Я. Ф. Дирксену.

Такая высокая цена была оплачена нашим братством за отказ от автономной регистрации. Этот скорбный список далеко не полный.

Дмитрий Васильевич, пребывая 14 суток в посте и молитве, тоже рисковал жизнью, только бы сохранить верность Богу и не подать соблазна народу Божьему поискать лёгких путей.

Единодушие верующих Барнаульской церкви привело в замешательство гонителей. Верующие готовы были положить душу свою за дорогого пресвитера. В 37-е годы за такое мужественное проявление любви и братского сочувствия всем этим единодушно храбрым Господа в лучшем случае защёлкнули бы наручники на запястье — и не видать бы им свободы. А в худшем — лежать бы им в безвестной братской могиле до дня славного воскресения.

Три года они жили без документов. Пенсии

и зарплаты им не выдавали, на рожденных детей не оформляли свидетельство о рождении, не регистрировали браки.

В 1974 году Дмитрий Васильевич посетил семью Г. К. Крючкова в Туле как раз в тот день, когда в его доме в электросчётчике обнаружил и снял подслушиватель его родной брат, Юрий Константинович.

Дмитрия Васильевича задержали. 10 часов он провёл в КПЗ (камера предварительного заключения). Его обыскали, допросили и отпустили. Дмитрий Васильевич предполагал, что его не арестовали только потому, что верующие Барнаульской церкви не взяли ещё свои паспорта.

И всё же врагу душ человеческих удалось ослабить некогда монолитную Барнаульскую церковь, и не гонениями. Кто-то подал мысль написать заявление в правительство: «Поскольку паспортов у нас нет, и вы продолжаете нас преследовать, разрешите нам выезд за границу». Такую возможность им предоставили без задержек и даже без вызовов из-за рубежа. Так как большинство членов Барнаульской церкви были немецкой национальности, они выехали в Германию беспрепятственно. Остальные верующие взяли свои паспорта в конце 1974 года.

Справедливо сказано: «Некоторые верующие, ссылаясь на особенности обстоятельств, считают: если они не будут активно защищать истину Христову, то общие для христиан гонения обойдут их стороной. Но мы хорошо знаем, что Бог нигде не сказал: будьте умеренно благочестивы. Бог никогда не призывал: будьте умеренно преданны или расчётливо жертвенны. Наоборот, Слово Божье призывает трудиться по силам и сверх сил, любить Господа всем сердцем, всей душой, даже до смерти».

Христианин везде будет гоним

В 1975 году Дмитрий Васильевич переехал с семьёй в Прибалтику. В Латвии в поселке Лигатне купил дом и прописался. Как только это стало известно работникам КГБ, судом расторгли договор купли-продажи, и семья вынуждена была уехать в город Валгу (Эстония). Но где бы ни находился желающий жить благочестиво, он будет гоним. Эстонские сотрудники КГБ неоднократно вызывали Дмитрия Васильевича и уговаривали оставить служение в Совете церквей. Начальник милиции откровенно заявил: «Мы его убьём, но жить здесь не дадим!» Угрозы подтвердились беззаконными делами.

В начале 1976 года в доме Миняковых выломали окна не хулиганы, а сотрудники

Родные по духу: Николай Мельников (в центре)**, его жена** (стоит вторая слева), **Д. В. Миняков с женой** (крайние в 1-ом ряду), **с детьми и друзьями по вере**

Друзья со свободы написали мне, что в центральном больничном лагере лежит Дмитрий Васильевич Миняков. Я никогда ранее не видел этого служителя. «Господи, — молился я, — это же рядом, дай мне встречу». Я пошел в санчасть, где помощником врача работал старый ждановский вор, и сказал ему, что мне нужно попасть в больницу. С большими трудностями я попал туда. Больница перегорожена на две зоны забором с колючей проволокой. Туберкулёзная зона и общая. Я был в общей, Дмитрий Васильевич — в туберкулёзной. Я передал через вахту, чтобы вызвали Минякова и с трепетом ожидал его.

Я молился: «Господи, устрой Ты Сам эту встречу. Неужели после длительного скитания и борьбы я не встречусь с братом?..» И вот он идёт по трапу. Худощавый, усталые глаза. Но, Боже мой, сколько энергии излучают эти усталые глаза! Сколько твёрдости духа и радости в этом взгляде! Вот она — живая душа среди покойников! Смотрите, это идёт мой брат! Узы для него не существуют! Идёт человек, в котором Христова свобода бьёт чудесным родником в безводной пустыне. И если одну ночь Даниил провёл во рву львином, то вот идёт душа, которая долгие годы живёт среди львов, но остаётся невредимой.

Обнялись, поцеловались, сели на лавочку... О чём говорить сразу? Мы сидели молча. Разговаривали наши души. Кто может себе представить радость этих встреч?.. В книге Жизни описаны эти чудные мгновения.

Мы были вместе 18 суток. Всего 18 суток! Разлучались только на ночь, после 10 вечера. Сколько было воспоминаний и бесед! Для меня, начинающего христианина, эта встреча была настоящим кладом. И должен сказать, что встреча с ним оказалась для меня поворотным пунктом в жизни, как в земной, так и в духовной. Там, под ночным небом, в окружении запретной зоны и колючей проволоки, был заключён союз, освященный Богом.

Николай Мельников

небезызвестных органов. Вошли внутрь дома, всё перерыли, изъяли транзисторный радиоприёмник, наручные часы, деньги, магнитофонные кассеты. Если бы на этом закончились визиты нежелательных лиц. По ночам под окнами дома Миняковых бродили неизвестные мужчины, заглядывали внутрь. Дмитрий Васильевич с женой выходил во двор и спрашивал: «Кто вы? Почему пугаете детей?» Через два дня Дмитрий Васильевич, придя в КГБ, узнал одного из ночных посетителей и спросил:

— Может, вы теперь скажете, кто вы?

— Начальник КГБ города Валги — Пир! — не без гордости заявил майор.

— Что вы хотели делать со мной и моей семьёй в час ночи?

— Мы оказались там случайно, — был уклончивый ответ.

В 1977 году, когда Дмитрий Васильевич с женой уехал к сыну, служащему в армии, пришёл инспектор Ребани в сопровождении четырёх милиционеров и пяти неизвестных лиц с фотоаппаратами, передатчиками и другими приборами производить обыск. Чтобы войти в дом, сотрудники милиции привели с работы старшего сына Дмитрия Васильевича — Александра. В его присутствии поднялись по лестнице на чердак и через люк спустились в дом. Изъяли духовную литературу, пишущую машинку, фотографии, документы, личные письма.

Дмитрий Васильевич не мог жить с семьёй из-за слежки и угрозы ареста. Работники прокуратуры четыре раза посещали его дом с санкцией на арест.

Нелегко было Антонине Михайловне, жене Дмитрия Васильевича, практически одной воспитывать детей, переносить нескончаемые преследования мужа, ездить с детьми на свидание с тяжёлыми сумками и нередко возвращаться, так и не добившись положенной встречи с мужем и отцом детей.

Дмитрий Васильевич иногда пытался рассказать жене некоторые подробности своей скитальческой жизни по тюрьмам. Она воспринимала всё так близко к сердцу, что теряла сознание и нередко говорила:

— Я не вынесу, наверное, твоих страданий. Не вынесу.

— Тогда мне придётся сказать моим гонителям: не судите меня, я стану другим... — испытывая жену, говорил Дмитрий Васильевич.

— Ты что?! Этого не должно быть! — решительным тоном произносила жена. — Я отдала тебя Господу и обратно не возьму. Как бы ни было мне трудно, совершай порученное Господом служение.

Тяжёлая болезнь настигла её — глаукома с последующей слепотой, но ни единого слова ропота никто не услышал из её уст. Конечно, в эти трудные дни ей нужна была поддержка любимого мужа. Однако Антонина Михайловна ни единым жестом не попыталась прервать его важное служение в братстве, хотя полгода до смерти она была прикована к постели. 13 февраля 1980 года на 56-м году жизни Антонина Михайловна отошла в вечность. За 27 лет совместной жизни она никогда не огорчила неосторожным словом не только Дмитрия Васильевича, но и никого из братьев и сестёр в церкви. Украшением её души и всей её многотрудной жизни поистине был «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что̀ драгоценно пред Богом». Повинуясь мужу во всём, в этом святом украшении она вошла в небеса. Вошла не с пустыми руками, а с плодами великих дел, которые совершил её муж, потому что она ни в чём ему не препятствовала.

Поскольку Дмитрия Васильевича разыскивали, он пришёл на кладбище в последнюю минуту. Попрощался с дорогим ему человеком, и друзья постарались увезти его, избежав слежки.

Четвёртый арест

21 января 1981 года при задержании в г. Ростове-на-Дону на руках Дмитрия Васильевича защёлкнулись железные наручники... Узник за дело чистоты и независимости Церкви Христовой поцеловал их, зная, что они сковали его руки только за преданную любовь к Господу.

Через три дня Дмитрия Васильевича доставили в таллинское КГБ, где он услышал горький упрёк: «Какой ты бессердечный! За целый год ни разу не появился на могиле жены...» Значит, год дежурили недруги на кладбище!

После каждого ареста Дмитрий Васильевич первые три дня проводил в посте. Он не изменил этому правилу и в этот раз. Более того, узнав от начальника тюрьмы, что он числится за следственным изолятором КГБ, вообще отказался принимать пищу и не давал никаких показаний. Его стали кормить искусственно, выломали зубы... О том, сколько мучений претерпел в четвёртый арест Дмитрий Васильевич, а вместе с ним и его дети, читатели смогут узнать из открытого письма детей, приведённого на следующей странице.

Открытое письмо детей Д. В. Минякова всем верующим ЕХБ

Копии: Ростикову Е. и Разумову А. – авторам статьи "Оборотень", помещённой в газете "Советская Эстония" 22—23 января 1982 г.

Совету родственников узников ЕХБ

«Они утвердились в злом намерении... Изыскивают неправду, делают расследование за расследованием даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца» (Пс. 63, 6—7).

Иисус Христос, подаривший нам спасение и жизнь вечную, не мстил за Себя, но даже Иуду, предавшего Его на мучения и смерть, назвал другом (Матф. 26, 50).

Наш отец, арестованный за верность Господу в четвёртый раз, поцеловал железные наручники, сковавшие его руки.

Зная, какая страшная участь ожидает гонителей в вечности, мы, дети Дмитрия Васильевича, не проклинаем их, а также тех, кто так много и напрасно клевещет на нашу семью.

Многим детям Божьим хорошо известны газетные статьи, написанные о нашем отце, цель которых — опорочить доброе имя служителя Христова и представить его опасным человеком.

После очередного, четвёртого суда над ним, в газете "Советская Эстония" появилась пространная, полная поношения и несправедливых обвинений статья "Оборотень", которая, повидимому, как и предыдущие статьи, будет перепечатываться во многих газетах страны, потому что наш отец по поручению церкви нёс всесоюзное служение.

Клеветники, приводя в статье чуть ли не "собственноручное письмо" нашего отца, рассчитывают, что это произведёт удручающее впечатление на верующих. Но что это за письма и кто за ними стоял, мы ниже постараемся пояснить. Ведь иногда мы сами, много уже пережившие, и то приходим в недоумение от того, что проделывают работники органов, и даже глазам своим не верим, что такое может быть. Мы могли бы не писать об этом, но поскольку клевета распространяется, и работники КГБ вызывают верующих и спрашивают, какое впечатление произвела на них эта статья, мы считаем своим долгом разъяснить происходящее, чтобы народ Божий знал, что подобное может совершаться не только над нашим отцом, но и над другими верующими, и особенно над служителями. Мы пишем это письмо с целью предупредить народ Божий о коварной работе сотрудников КГБ, ведущих вот уже 21-й год ожесточённую борьбу со служителями независимого духовного центра — Совета церквей ЕХБ, — а также со всеми верующими, которые единодушно с ним мужественно отстаивают право церкви принадлежать её Основателю — Господу нашему Иисусу Христу. Пишем для того, чтобы вместо смущения мы ещё больше молитвенно поддерживали служителей Совета церквей и всех страдальцев за веру, а также прославляли Бога за силу, которую Он даёт народу Своему для перенесения всех скорбей за имя Его.

Жизнь нашего отца — это всего одна типичная судьба служителя Христова, принадлежащего гонимой Церкви Христовой. И для того чтобы правильно оценить положение верующих в атеистическом мире, нужно всё, пережитое нашим отцом, умножить на жизни многих служителей Совета церквей, плюс количество гонимых в нашей стране, исчисляемых тысячами.

Наш отец первые трое суток после ареста 21 января 1981 года был в посте. 25 января в Ростовскую тюрьму, где он находился, прибыл сотрудник КГБ Дмитриев и доставил нашего отца самолётом в Таллин. По дороге Дмитриев, желая расположить отца, дал ему Евангелие. В таллинской тюрьме Евангелие сразу отняли, и отец по этой причине три дня ел только раз в сутки. Не окончив этого, уже второго по счету 3-дневного поста, отец узнал от начальника тюрьмы, что числится за следственным изолятором КГБ. Протестуя против этого беззаконного вмешательства в его дело сотрудников КГБ, в частности Дмитриева, отец с 28 января полностью отказался от пищи.

Сразу же после прибытия отца в Таллин Дмитриев позвонил в Валгу начальнику предприятия, где работал сын Дмитрия Васильевича Саша, и назначил ему свидание в Таллине на Ратушной площади. На встречу Саша поехал с братом Володей, но Дмитриев отказался говорить при третьем человеке. Здесь Дмитриев передал собственноручную маленькую записку отца и сказал, что он полностью находится в его ведении, что дело отца очень тяжелое: ему вменяется ст. 70 УК РСФСР /7 лет лагерей и 5 лет ссылки/. Просил детей не вредить отцу, не поднимать шума, т.е. не ходатайствовать. Советовал убедить отца признать себя виновным и дать нужные суду показания. В конце беседы Дмитриев авторитетно заявил, чтобы по всем вопросам, касающимся отца, мы обращались только к нему.

Через неделю Дмитриев приехал в Валгу сам. Вызвал в КГБ повесткой Сашу и Володю и показал им вторую записку отца, но не отдал её, чтобы заставить нас искать с Дмитриевым последующих встреч. О том, что отец не принимает пищу, Дмитриев не сказал ни слова.

18 февраля в Валгу, на дом к нашей сестре Елене, приехал человек из Таллина и передал записку, написанную рукой отца. Отец в записке прощался с жизнью и с нами и сообщал, что его кормят насильно. Человек из Таллина сказал нам, что он сам когда-то сидел в тюрьме, что сейчас он работает сапожником недалеко от тюрьмы и имеет надежные связи с некоторыми надзирателями, которые и передали ему записку отца. «Если желаете, — предложил он нам, — то через меня можно будет держать связь с отцом».

Встревоженные, мы поехали в Таллин и добились встречи со следователем Валлимяэ, который официально вёл дело отца. Он сначала уверял нас, что у отца всё нормально. Когда же сообщили ему, что нам известно, что отец не принимает пищи, он, видя, что дело перестало быть тайной, сказал: "Да! Не принимает! Но его кормят искусственно. Не беспокойтесь, не умрет!"

Наши переживания об отце можно понять, и они усилились особенно после свидания с ним, которое предоставил следователь 25 февраля. Измученный, осунувшийся, со следами принудительного кормления на лице, отец помолился и смотрел на нас так, как будто видит нас в последний раз.

«Папа, почему ты не принимаешь пищу?» — спрашивали мы.

Валлимяэ успокаивал отца и говорил:

«Дмитрий Васильевич! Вы обвиняетесь по ст. 194-I, которая идет до 3 лет. Вам могут дать 2 или 3 года, чего вы так волнуетесь?»

«Сотрудник КГБ Дмитриев, — сказали мы следователю, — передал нам, что отцу угрожают 7 лет лагерей и 5 лет ссылки!

«Какой Дмитриев? — удивленно взмахнул руками следователь. — Следствие веду только я!»

«Не вы, а Дмитриев! — настаивали мы. — Дмитриев передал нам две записки от отца».

С видом недоумевающего человека Валлимяэ произнес: «Неужели что-то делается за моей спиной?!»

Тогда отец в присутствии Валлимяэ сказал нам, что он не возьмёт передачу и не будет принимать пищу до тех пор, пока сотрудники КГБ, и непосредственно Дмитриев, не прекратят вмешиваться в ведение его дела.

Поскольку незаконная работа КГБ через наши ходатайства, а также ходатайства многих верующих, приняла широкую огласку, Дмитриев перестал посещать отца и как будто исчез. На самом деле он занялся куда более изощрённым делом: стал писать нам от имени отца письма и передавать их через "сапожника", который, как мы убедились позднее, был тоже одним из его помощников. Имея большой опыт по этой недостойной работе, Дмитриев снимал копию с записки отца и отдавал её "сапожнику", а тот в свою очередь якобы из соображений "конспирации" не позволял нам её брать, и нам приходилось её переписывать, т. е. снимать копию с копии.

Так, в письме, переданном нам "сапожником", где отец сообщал, с какого дня он не принимает пищу, Дмитриев вставил свою фразу: "*Стал есть понемногу сам, не знают они*". Мы понимали, что на такую ложь наш отец никогда не пойдёт. При первом свидании в Магадане мы показали отцу эти записки. Он вычеркнул эти слова и сказал, что такого никогда не писал.

Чтобы втянуть нас в преступное, явно подсудное дело, Дмитриев в другой записке от имени отца написал нам следующее:

«Одно напоминаю вам: не забудьте следователю предложить как можно больше. Но действуйте осторожно, не идите вместе, второй человек лишний, он может испугаться и откажется, лучше не на работе, там он тоже будет бояться. Договоритесь дома или где-нибудь в городе. От него зависит все: много наберёт материала или мало. Дайте мне знать, как получится, и другое. Да поможет вам Господь в этом.

Дмитриев может у меня не появиться, ибо он неожиданно исчез. А у меня пошло вразлад из-за этого с волей Божьей. Стал рушиться организм, особенно сердце. От него зависит не меньше, если не больше, чем от следователя. Но что следователю, ему не предлагайте».

Дмитриев толкал нас на преступление дать взятку и просил нас дать ему знать, где и когда мы это будем делать, чтобы захватить нас на месте преступления или заснять всё скрытой камерой и потом шантажировать и нас, и отца.

Но в этой приписке есть одна очень большая правда, в которой признался сам Дмитриев: от КГБ зависит не меньше, если не больше! В этом мы убедились тоже.

Когда к ходатайствам об отце подключились зарубежные верующие, то Дмитриев срочно передал нам письмо, в котором наш отец не писал ни единого слова. Приводим его полностью:

«Милые и родные! За что меня Господь так наказывает и почему через вас? Сегодня мне сказали, что меня переводят в общую камеру, где 16 злодеев, которые будут терзать мою душу и плоть. И это работа КГБ. Начальник Майборода сказал, что это за то, что твои дети распространили по всему свету, что их отец умирает от голодовки. О, мои детки! Я же вас просил не приносить мне лишних страданий, зачем вы это сделали? Неужели не понимаете, что это идёт во вред мне и вам? Умоляю вас: пойдите к следователю и скажите, что это сделали не вы, а другие люди, которых никто не просил. И что вы видели меня на свидании, и я был здоровый и не голодаю. И просите, умоляйте его, чтоб он снова перевёл меня назад. Скажите, что никакой голодовки у отца не было, а был обычный пост верующего человека. Если вы этого не сделаете, то и письмо, может быть, это последнее, если меня переведут на другой этаж. Умоляю вас: исполните хоть раз в точности просьбу вашего папы. Да вразумит вас Господь.

Как прочтёте это письмо, сразу дайте ответ, что вы всё поняли и исполните мою просьбу. Передачу пока не носите, т.к. в этой камере мне не дадут ни крошки, всё растерзают эти звери. Молитесь за меня, мои детки дорогие, да сохранит вас Господь там, а меня здесь. Мне кажется, вы не получаете мои письма, потому что нет в ваших письмах ответов на мои вопросы. Как М.? Как со сл. адв.? Исполнил ли Володя моё желание, что с вареньем? Подыскиваете ли где жить? Жду ответа или буду думать, что мои письма до вас не доходят. Больше писать не буду. Бог с вами, родные мои, доколе свидимся. Целую вас и всех моих внучат».

Разумеется, мы никогда не стали бы останавливать ходатайства не только о своём отце, но и о любом гонимом за веру христианине, потому что мы знаем, что ходатайства — это, во-первых, — прямое повеление Господне: "Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?" /Притч. 24, 11/. И, во-вторых, ходатайства — это единственная возможность засвидетельствовать о Господе нашим гонителям, о чём заповедал Сам Господь: "И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними..." /Матф. 10, 18/. В нашей стране возможно пока только благовестие крестное, проповедь под ударами, свидетельство судьям, властям и правителям только через оковы и тюрьмы.

После того, как Дмитриеву не удалось через фальшивые письма остановить ходатайства, не удалось, используя нашу тревогу за жизнь отца, спровоцировать нас совершить преступление, он 17 и 19 апреля, совместно с другим работником КГБ Ивановым вновь посетили

нашего отца в тюрьме. Имея при себе два магнитофона, они стали вербовать отца, как это делал в 1960 г. подполковник КГБ Моцар, в 1967 г. — подполковник КГБ Вартанян, в 1972 г. — сотрудник КГБ Немков. Запугивая отца, Дмитриев показал ему его записки, но отец и в этот раз решительно сказал: «Пока я жив, этого от меня не добьётесь!»

И тут посыпались угрозы: «Мы загоним тебя на Крайний Север, откуда ты не вернёшься, и куда к тебе не смогут приехать даже родственники. Напишем о тебе статью, после которой от тебя отвернутся все. Не жалеешь себя, пожалей детей! Мы не дадим им спокойно жить! Найдём, за что судить!»

Две угрозы уже приведены в исполнение: наш отец в Магадане, в закрытой зоне, куда можно проехать только по спецпропускам, а теперь напечатана заранее обещанная клеветническая статья. Острие её направлено на Совет церквей. Не будь наш отец членом Совета церквей, который сотрудники КГБ задались целью во что бы то ни стало сломить, они оставили бы нашего отца в покое, как не тревожат они работников сформированного ими религиозного центра ВСЕХБ.

В настоящее время арестован почти весь состав Совета церквей, но движение за независимость церкви и полное отделение её от мира, и в первую очередь от давления на неё КГБ, начатое ещё в 1961 году, приобретает всё большую значимость. И только по этой причине усилился нажим КГБ на сторонников Совета церквей, по этой причине КГБ оставляет на свободе нужных им людей, а затем через них регистрирует отдельные общины.

Служители Совета церквей, в том числе и наш отец, отказываются стать агентами КГБ, и только поэтому их физически уничтожают в лагерях...

Зная, как жестоко поступили сотрудники КГБ с детьми некоторых верующих (нашли, за что посадить, а некоторых и убить), мы, посылая своё письмо, понимаем, что̀ ожидает нас... В любой момент сотрудники КГБ могут осуществить свою третью угрозу: «Не дать нам жить». Поэтому мы просим всех детей Божьих молиться о нас, т. к. теперь уже почти у всех нас есть свои семьи и дети. Но самое главное — мы умоляем всех детей Божьих, а в особенности жён, детей и родственников узников: никогда не пользуйтесь услугами никаких безобидных "сапожников" или других "благодетелей", потому что почти всегда это люди КГБ!

Мы не хотим вас утруждать сообщениями о том, что и в камеру к отцу сотрудниками КГБ были подосланы "сердобольные заключённые", которые следили за каждым движением и словом отца. Люди Дмитриева сопровождали его всюду, и они не оставят его никогда, потому что он никогда не согласится быть предателем дела Божьего!

В тревоге за жизнь отца мы были рады получить хоть несколько слов, написанных родной рукой дорогого нам человека. Но наше краткое утешение обернулось, как вы видите из письма, глубокой скорбью, потому что мы принимали эти записки из нечистых рук, из рук, которые надели наручники на нашего отца и погубили тысячи детей Божьих! Это — не руки Господа! И если бы эти коварно-льстивые руки подавали нам, пусть даже умирающим, хлеб или воду, то будем помнить, что они подают их лишь только для того, чтобы погубить наши души и усыпить нас сном вечной смерти.

Христос, изнемогающий от 40-дневного поста в пустыне, отверг все предложения врага душ человеческих, и тогда Ангелы небесные приступили и служили Ему!

Бог хочет, чтобы и мы принимали всё только из Его святых рук. И если Он допускает разлуку, одиночество, неизвестность, голод — Он силен сохранить жизнь детей Своих самым чудным образом, о чём свидетельствовали не раз сами узники. В карцере, в холоде, на скудном пайке хлеба и воды они были насыщены и согреты чудом Божьим и вышли победителями, как и Христос после поединка с дьяволом.

Под угрозами и в опасностях мы также хотим остаться верными Господу и выйти победителями из огненных испытаний. Поэтому ещё раз просим всех возлюбленных в Господе братьев и сестёр молиться о нашем дорогом отце-узнике... а также о всех нас, детях Дмитрия Васильевича.

С любовью Христовой – семья Миняковых:
Елена, Александр,
Галина, Владимир,
Татьяна, Евгений, Павел.

24. 02. 1982 г.

Последний долг любви

Воскресенье 26 февраля 2012 года. Уютный молитвенный дом церкви МСЦ ЕХБ города Валги тихо наполнялся верующими. В руках у многих живые цветы. На возвышении расположился хор. Сзади него по всей ширине помещения – траурные венки от церквей братства. Слева – два духовых оркестра: из Германии и Белоруссии. На лицевой стороне кафедры размещён с тщанием и любовью оформленный портрет последних лет жизни Д. В. Минякова. Справа от кафедры, за столом, – служители и соработники почившего. По центру – гроб с телом дорогого служителя, отца и дедушки, обрамлённый венками из живых цветов от скорбящих детей, внуков и жены.

Траурное богослужение вёл служитель МСЦ ЕХБ Геннадий Сергеевич Ефремов. Он напомнил об умершем Лазаре, о котором Христос сказал: «Лазарь... уснул» (Иоан. 11, 11). Наш «Бог не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лук. 20, 38). Этими словами из Писания он утешал родных, церковь и друзей, скорбящих об утрате.

ЕФРЕМОВ
Геннадий Сергеевич

Дмитрий Васильевич исполнил заповедь Христа: "Всякий, кто оставит... отца, или мать, или жену, или детей... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Матф. 19, 29). Детям было очень трудно без отца, но Господа и церковь он возлюбил больше. Ради Господа он полагал душу свою, не считаясь с семейным уютом... Никто не принуждал Дмитрия Васильевича избрать этот скитальческий путь. Никто. У него была возможность уйти из братства и жить без тревог, но он остался верен Призвавшему. Он ушёл в вечность как преданный воин, как ревностный служитель, ушёл с живой верой и упованием на Господа. Я абсолютно уверен, если бы Дмитрий Васильевич не оставил ради Господа семью, детей, домашний уют, то на его похоронах присутствовали бы единицы, а может быть, и вообще хоронить было некому. Такое большое число любящих и провожающих его бывает у тех, кто идёт путём креста! Такие подвижники приобретают много друзей, у них большое духовное родство.

СИТКОВСКИЙ
Павел Николаевич

В детстве я много слышал из уст мамы о служителях гонимого братства. Она всегда реагировала на вести об арестованных братьях и, рассказывая нам, плакала. Отчётливо помню её слёзы, молитвы. Фамилии узников я тоже запомнил: Батурин, Миняков, Хорев, Храпов, Костюченко, Бойко, Иващенко. Лично мы были знакомы лишь с некоторыми, но хорошо знали, что это многолетние страдальцы. Когда я подрос и стал вливаться в служение, то с глубоким уважением и трепетом встречал тех братьев, имена которых жили в моём сердце с детства.

Почему нам дорого братство? Потому что власть нашей страны запланировала построить общество безбожников. Но время изменилось. Гонения прекратились. Как-то остановил я на трассе попутную машину. Водитель оказался бывшим начальником КГБ Ростовской области. Я его спросил: «Правда ли, что Совет церквей был враг №1 для спецслужб?» Он подтвердил.

Почему же больше всего они враждовали против нашего братства? — Это был единственный Союз, не подчинившийся спецслужбам; они не могли его сломить, хотя прилагали много стараний. Долгие годы их давление испытывал на себе и Дмитрий Васильевич. Господь использовал таких столпов, чтобы совершались Его чудные победы!

Дорогая молодёжь! Дети и подростки! Это не простой служитель, не простой отец или дедушка. Он страдал, и Господь использовал его, когда решалась наша с вами судьба, судьба верного следования за Господом. Хочется прославить Иисуса Христа за жертвенный труд и подвижничество таких верных домостроителей, как Дмитрий Васильевич Миняков.

ШОХА
Николай Петрович

Проповедник XIX века Дуайт Муди в день своей смерти сказал: «Это день моей коронации».

День смерти для людей мира сего — трагедия, а для нас, как сказал Апостол Павел, «смерть – приобретение» (Фил. 1, 21). «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свер-

гнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия». В облако свидетелей, начиная от Авеля, вошло великое множество героев веры. Я верю, что в этот список вошли и наши братья, отстоявшие истину, в том числе и наш брат Дмитрий Васильевич.

Первая встреча с дорогим братом у меня произошла в Крыму. Он тогда находился на нелегальном положении. Местные братья попросили его помочь разрешить серьёзный вопрос в церкви. Он отказался: «Я не знаю, как решу этот вопрос, а потом на Совет церквей ляжет пятно». Меня глубоко затронула его забота о братстве.

Мы должны быть осторожными. Если мы находимся на служении в церкви или братстве, по нашему поведению судят о всём братстве. Поэтому для меня этот пример очень добрый.

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Думаю, нам есть в чём подражать дорогому брату: в вере, в верном духовном служении, в борьбе, которую он вёл, отстаивая независимость церкви. Эта борьба продолжается и сегодня. Нам нужно стоять твёрдо, потому что мы живём во время величайшего отступления, и сатана прилагает все силы, чтобы церковь не была готова к пришествию Господа.

ПИЛИПЕНКО
Алексей Павлович

«При уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Фил. 1, 20). Я уверен, что эти слова Апостола Павла мог повторить и наш дорогой брат Дмитрий Васильевич, потому что его жизнь и самоотверженное служение являются их подтверждением.

Мне и ещё двум братьям из Белоруссии из-за преследований очень трудно было встретиться с Дмитрием Васильевичем в 1986 году, когда он вернулся из уз. Но Бог помог нам уйти от следивших за нами, и мы имели радостное общение. Это был конец безбожной войны, какую вели атеисты с теми, кто встал на защиту истины Христовой. Эта встреча была ободрительна для многолетнего узника и полезна нам.

«...Я ни в чем посрамлен не буду...» Этими словами хочется утешить близких и родных, скорбящих о Дмитрии Васильевиче, который победно закончил свой путь.

Духовное пробуждение, в каком участвовал наш дорогой служитель, действительно великое. Господь совершил чудо в XX веке, мы радовались. Несомненно, это великое пробуждение нужно и для нашего XXI века.

Очень ценно, что Господь является нашим вдохновителем на узком пути, которым идём. Уверен, что Он и дальше будет укреплять тех, кто принял это верное служение, чтобы до конца сохранить церковь в полной независимости от мира.

Наш дорогой почивший брат напоминает нам, как верно нужно служить Господу, как исполнить волю Его во всём. Дмитрий Васильевич уже предстал перед Богом, и Он сказал ему: «Ты будешь иметь вечное общение, которое Я приготовил тебе, как верному сыну».

ЛОМАКИН
Анатолий Михайлович

Сотрудники издательства «Христианин», узнав, что Дмитрий Васильевич уже у Господа, вспомнили некоторые встречи с ним.

«Теперь моё служение — только молиться», — говорил он и молился не только коленопреклонённо, но и во время ходьбы. «На каждый шаг я произношу какие-то слова: "Слава Господу", "Слава Иисусу Христу!", "Слава Спасителю!" И у меня сейчас только благодарственные молитвы Господу».

Слова утешения: «Помощь наша — в имени Господа, сотворившего небо и землю» друзья запечатлели на этой картине, где поместили фотографию Дмитрия Васильевича. Мы передаём её родственникам почившего служителя, а также стихотворение, в котором выражено искреннее соболезнование братьев-служителей Курско-Рязанского объединения. Они тоже хотели быть на похоронах, но по не зависящим от них причинам не смогли это сделать. Все передают сердечный привет и соболезнование.

БАЛУЕВ
Василий Дмитриевич

С первых дней пробуждения церкви в нашей стране Дмитрий Васильевич верно понял, что это — путь Божий и влился в ряды страдающего Господнего народа. Не многим был ясен этот путь. Тем более замечательно и удивительно, что Дмитрий Васильевич, будучи молодым, правильно оценил его.

Дмитрий Васильевич относится к тем Божьим служителям, которые чётко различают ночь и день, правду и ложь. Где бы он ни проповедовал, везде

подчёркивал: нужно идти путём очищения и освящения и не соглашаться ни на какой компромисс с миром; церковь должна быть независима ни от кого. Дмитрий Васильевич понимал: любой компромисс, малый он или большой, это — грех. Заявить безбожным правителям: мы готовы исполнять беззаконное законодательство, только зарегистрируйте нас — самое большое преступление. И для меня это тоже мерзость, это — порок, это — отступление. Дмитрий Васильевич понимал: любая зависимость, какая бы она ни была, — это служение двум господам, а нам заповедано: «Господу, Богу твоему, поклоняйся и Ему одному служи».

В одной из бесед Дмитрий Васильевич признался мне: «Брат, если бы ты знал, как я скучаю о детях!.. Как я хочу, чтобы Господь спас их!..» Потом мы молились, он сильно плакал: «Господи, я очень хочу, чтобы мои дети пошли по тому пути, которым я иду за Тобой и на котором страдаю!»

ХОРЕВ
Вениамин Михайлович

«За то, что он возлюбил Меня... прославлю его, долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое».
Пс. 90, 14—16

Жизнь Дмитрия Васильевича Минякова была насыщена долголетием, делами веры, трудом любви, благословениями, победами, чудесами избавления от смерти, несмотря на страдания в узах, испытания одиночеством, разлукой с женой и детьми, поношением в средствах массовой информации, лжесвидетельством...

У царя Давида было большое войско, но среди него было тридцать выдающихся воинов, приводящих в трепет язычников. Их особо, поимённо, отмечает Библия, это были «сильные Давида», решающие исход всякой битвы.

Дмитрий Васильевич был одним из немногих сильных Господа! Служитель Совета церквей, обладающий прямым и твёрдым характером, исключительно искренний и ясный в общении, никогда не произносящий двусмысленных речей, умевший открыто признаваться в своих ошибках даже перед младшими.

Имя этого дорогого служителя много раз можно встретить в различных архивных документах, что всякий раз доказывало, насколько твёрдым и верным Богу был этот служитель.

Гонители хорошо понимали, что Минякова бесполезно склонять к сотрудничеству, поэтому для него была уготована только одна участь — страдания и узы. Его приговорили к 13 годам неволи за Христа, и эти годы драгоценными бриллиантами украсили его биографию.

В январе 1964 года в Барнаульской тюрьме был убит Хмара Николай. Тело мученика четыре дня находилось в доме Дмитрия Васильевича в ожидании правительственной комиссии из Москвы для экспертизы. Дмитрий Васильевич брался за любое рискованное дело и не боялся обострений — арестов, штрафов.

«Верные Господу не умирают! Верные Господу в небо идут!»

Одним из последних сильных Господа, достигших великой победы, Дмитрий Васильевич покинул бренную землю, чтобы наследовать славную вечность.

Для нынешнего поколения христиан это — наглядный пример истинного пастырства и христианства, это — достойный образец для подражания.

Выражаем соболезнования родным и близким Дмитрия Васильевича и утешаемся вместе с вами надеждой на скорую встречу всех победивших у ног Господа.

«Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего...» Откр. 3, 12.

Братья, подвизающиеся на историко-аналитическом поприще

СЕНЮЩЕНКОВ Павел Алексеевич

До 1986 года я знал Дмитрия Васильевича только по Бюллетеням и «Срочным сообщениям» Совета родственников узников, также по журнальным статьям «Вестника истины».

Первый раз я встретился с ним в городе Валге, когда он освободился из уз. Я полюбил его сердечно и радовался, что в нашем братстве есть мужественные служители, сохранившие верность Богу до смерти.

Многолетние страдания оставили на его лице свой отпечаток, тем не менее, он был жизнерадостен, не оставил служения и сохранил уверенность в спасении.

Мне очень дорого, что Дмитрий Васильевич 20 лет назад совершал молитву благословения надо мной, когда меня рукополагали на служение.

Вместе с Дмитрием Васильевичем я побывал в Магадане у стен лагеря, где он отбывал последний срок. Он хотел посетить те места, где томился 5 лет в труднейших условиях, и засвидетельствовать лагерному начальству, что жив и что Бог любит грешников.

Из кабинета лагерного начальства Дмитрий Васильевич вышел печальный: не разрешили... И он стал молиться за грешников этого сурового края прямо на улице. Молился долго, ясно, излагая конкретные нужды.

За 10 дней, пока мы находились на колымской земле, я видел Дмитрия Васильевича молящимся больше ночью, чем днём.

Он молился со слезами также о своих детях, чтобы все они следовали за Христом узким путём и вместе с дорогим братством совершали служение на ниве Господней.

ЛЮСТ Василий

Своим присутствием мы выражаем сердечное соболезнование семье и родственникам Дмитрия Васильевича. Его жизнь и служение знакомо и близко христианам Германии, особенно тем, которые в годы гонений были членами Барнаульской церкви. Это брат Ваня Гауф и многие другие.

Живя на Западе, мы регулярно получали информацию о положении верующих и не оставались равнодушными и ходатайствовали и много молились о дорогих узниках. Мы благодарили Бога, слыша, как Он давал им силы, верности и стойкости в страданиях за дело Божье.

«Наблюдай за непорочным, и смотри на праведного; ибо будущность такого человека есть мир» (Пс. 36, 37). Нечестивые старались умертвить его в узах, но Господь вступился и не только сохранил ему жизнь, но и наделил долголетием. Жизнь этого верного наставника достойна подражания, особенно его вера, верность и молитвенное подвизание о нуждах народа Божьего.

Объединённые церкви Германии, сотрудники миссии «Фриденсштимме», а также братья и сёстры, которые принимали участие в служении Дмитрия Васильевича, передают приветы и искреннее соболезнование.

ПЕТЕРС Николай

Дмитрий Васильевич, находясь в Германии, посетил мою семью. Я очень просил его рассказать моим детям о том, что ему пришлось пережить в годы гонений. Я хотел, чтобы мои дети лично увидели многолетнего узника за дело независимости церкви и лично услышали, как нужно любить Бога и хранить Ему верность даже тогда, когда смерть смотрит в глаза.

— Я, наверное, откажусь рассказывать.

— Почему, Дмитрий Васильевич?

— Я постарел, стал многое забывать и боюсь приукрасить — это же обман. Боюсь также, что при воспоминаниях себя похвалю, и не Господу будет слава, а мне.

Мне по сердцу была искренность служителя, я понял его опасения и проверил свою жизнь: сколько раз я рассказывал различные истории и даже не задумывался, что мог где-то добавить, а где-то убавить.

Дмитрий Васильевич много поучительного рассказал моим детям и в заключение помолился, искренне прося у Бога прощение, если где-то допустил неточность и не воздал должной славы Господу.

Добрые свидетельства

Александр
МИНЯКОВ
(сын)

Я держу в руках Библию моего папы. Он не расставался с ней никогда. Даже на фотографии служителей Совета церквей он запечатлён с Библией.

Прочту из книги пророка Исаии: «Ему назначали гроб со злодеями...» (53, 9). Это пророчество о нашем Господе. Но враги Церкви не только Христу, но и Его последователям не раз назначали гроб со злодеями. Папе угрожали и атеисты, и коммунисты, и КГБисты: «Умрёшь на нарах! Похороним тебя в магаданской тайге, и никто не узнает, где твоя могила!» Но папа умер дома. Малышом я папу помнил по портрету на стене или по свиданию в тюрьме.

После суда в 1981 году его отправили за 650 км от Магадана в Сусуман. Там его положили в больницу и «лечили». От уколов ему становилось хуже, его бросало то в жар, то в холод. Он вопиял к Господу. Мы приезжали в Магадан на свидание, но нам говорили: «Он плохо себя ведёт: проповедует здесь о Боге. В свидании ему отказано...»

Расскажу о событии, о котором почти никто не знает, кроме родственников. В зоне его поместили в штрафной изолятор. И вдруг его вызвал новый начальник оперчасти, майор. Войдя в кабинет, папа доложил, как положено:

— Осуждённый Миняков Дмитрий Васильевич.

— Интересно... Как и за что ты попал в тюрьму?

— Я верующий и страдаю за Христа.

— Расскажи о своём родстве, — настаивал майор.

Папа в своё время жил в Хабаровске со своими братьями и сестрой. Но после войны, освободившись из тюрьмы и женившись, он ни с кем из родственников не встречался.

— Ты знаешь, что моя фамилия тоже Миняков? — признался майор. — Если бы и ты, и я носили фамилию «Иванов», — это не удивительно. А фамилия «Миняков» — редкая, совпадений быть не может! Я исследовал, ты — мой далёкий родственник. Но в нашем родстве нет верующих. Кто тебе внушил, что есть Бог? Я — коммунист! Мы носим одну фамилию, но почему мы разные?»

Многочисленная семья говорит любимому: «До свидания!»

Наш Господь — чудный в делах! Кажется, у папы безвыходное положение: загнали на край земли и намеревались уничтожить вдали от семьи, но Бог послал навстречу родственника. Он помешал гонителям «залечить» папу до смерти. По ходатайству майора папе отменили уколы и улучшили питание, и больше мы об этом родственнике ничего не слышали и не знаем.

Расскажу о втором событии. В тюремной больнице папе в рацион питания ввели молоко. Во время обеда он взял кружку с молоком, но не успел донести до рта — заключённый выбил её из его рук.

— Что ты сделал?! — сожалел папа.

— Смерть в молоке, а ты спрашиваешь, что я делаю! Смотри! — и заключённый поднёс к разлитому на полу молоку кошку. Та сделала несколько глотков и забилась в конвульсиях. Бог располагал посторонних людей к сочувствию папе, и Бог через них хранил его от смерти.

После освобождения из последних уз папа прожил 26 лет. При его слабом здоровье это чудеса! Это милость Божья! Он не боялся смерти и никогда не держался за земную жизнь. Детям он всегда говорил: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную. Читайте каждый день Слово Божье».

В последние дни он постоянно спрашивал: «Как дела в церкви? Как живёт братство?» Он непрестанно молился о церкви, о братстве и передавал привет дорогим соработникам.

Галина МИНЯКОВА (сноха Д. В. Минякова)

Дмитрия Васильевича я называла папочкой. Бог соединил нас не только родственными узами — и дух наш был всегда един.

Благодарю Бога за пример его молитвенной жизни. Однажды подходя к его дому, я услышала громкую молитву. Он вопиял к Богу о детях и внуках. Я стояла за дверью, и моё сердце замирало. Он не упустил ни одного имени. Молился также о Божьем деле, о церкви. Я не осмелилась нарушить его общение с Богом и тихо ушла.

Как-то я молилась о своих детях с постом, чтобы Бог призвал их на путь спасения, и пошла к нему попросить поддержать меня в молитве. Прихожу, а Ксения Илларионовна говорит: «Дедушка назначил недельный пост и взывает к Богу о твоих детях». Мы не договаривались, но Бог объединил нас в горячих молитвах и ответил на них. Дети приходили к Богу, принимали крещение, сейчас они в церкви.

Мой сын Артур тяжело болел. Все дети от старших до самых меньших и даже внуки постились и молились. Папочка тоже молился. Утром пришли в больницу, — у Артура наступило облегчение. Мы сразу пошли поделиться этой радостью с ним. Ксения Илларионовна встретила нас необычным сообщением: «Он как стал на колени в 7 часов утра, так и молился до 12 дня».

Незадолго до смерти папы все дети пошли на собрание, а я решила побыть с Ксенией Илларионовной у папочки. Зашла, слышу его голос. Такое впечатление, что он беседует с Богом. Я присела. Папа духом был соединён с церковью, словно находился в собрании. В конце он сложил молитвенно руки и благословлял всех, кто ему был дорог и кого он любил, и сказал: «Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой».

Я благодарна Богу за то, что Он подарил нам такого верного служителя, которому нужно подражать. Хочу, чтобы все мои дети подражали вере дедушки и достигли, как он, неба.

Владимир МИНЯКОВ (сын — звуковое письмо из Америки)

Мне очень тяжело, что не могу стоять у гроба папы, попрощаться с ним в последний день его пребывания на земле. Месяц назад я был у него, беседовал и молился с ним. Он меня благословил, сказал, что больше мы не увидимся на земле. Так и произошло.

Жизнь папы была необычна и очень не проста. Много ли мы знаем об этом? Большую часть жизни мы его не видели. Всю жизнь он посвятил служению Богу, часто был в поездках по церквам, и 12 лет провёл в узах, в тюрьмах, в лагерях.

Помню, мы ещё жили в Барнауле, были маленькими и собирались с мамой на свидание. Добраться к папе нелегко. Мы ехали на каких-то попутных машинах. Иногда кто-то встречал нас на станции, мы садились в сани, запряжённые лошадьми, и, закутавшись в сено, ехали к нему. Мы мечтали встретиться с ним. Но не всегда наши мечты сбывались. Когда папа отбывал последний срок в Магадане, я с женой Танечкой и сыном Димой (совсем маленьким) приехали к нему, но нам отказали в свидании. После долгих уговоров и просьб нам дали всего несколько минут поговорить с ним по телефону через стекло. Было очень больно, что не смогли пообщаться лично.

Папа много молился. Сегодня так не молятся. Не умеют, или не хотят, или нет такой нужды. Просто сейчас уже не то христианство. При всякой встрече с ним, он не сразу обнимал меня, сначала приветствовал и начинал молиться. Кто его знает, тот помнит, что он обычно не приглашал к молитве, просто начинал молиться. Точнее скажу, он продолжал молитву, которая была до этого. И когда уходили от него, все, наверное, помнят, что без молитвы он не отпускал. Его молитвы имели большое значение в жизни наших семей и в моей личной жизни.

Свои добрые пожелания папа всегда закреплял молитвой. Он любил молиться. Это была его жизнь. Это было его дыхание. Однажды я увидел его колени и удивился: «Папа, что это?» А на коленях — плотные наросты... Десятки лет он молился на нарах, на бетонном полу. Именно благодаря этим молитвам, сегодня я служу Богу и моя семья, и все мы любим Господа.

Я благодарен папе за всё. Он оставил не просто память или какой-то след в моей душе, он для меня — пример для подражания. Хочу подражать его вере, любви к Богу, его преданности и жертвенности,

его простоте. Как он любил церковь! Народ Божий! Любил нас! Но больше всего он любил Господа!

Прочитаю для моего папочки стихи из Писания: «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны — светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой — славою твоею. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется; ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего» (Ис. 60, 19—20). До встречи, папочка, у Господа.

Елена ПЕТРОВА (дочь Д. В. Минякова)

В 1980 году к Господу ушла наша мама, Антонина Михайловна. Она родила девятерых детей. В 1981 году папу арестовали четвертый раз. Это был его последний очень тяжёлый срок, который он отбывал в Магадане.

Освободившись, он через время женился на прекрасной христианке — Ксении Илларионовне. Сегодня от всех детей и внуков, присутствующих здесь, и от тех, которых нет с нами, хочу поблагодарить её, сказать ей огромное спасибо. То, что не смогли сделать мы, дети, сделала она в свои преклонные годы. Она неизменно сопровождала папу в поездках, проводила с ним дни и ночи, заботясь о нём. Где мы вас огорчили, Ксения Илларионовна, или, может быть, не поняли, простите нас. Мы вас любим. Мои дети и внуки передавали вам большой привет и большое спасибо.

Какую сложную жизнь прожил наш папа! Первый раз его арестовали, когда я пошла в первый класс. Как сейчас помню, 1 сентября он вёл меня за руку в школу. Перед выходом из дому мы молились. Я сильно плакала. Он стоял рядом со мной и тоже плакал, а по дороге утешал: «Доченька, всё будет хорошо. Мы тебя любим и будем о тебе молиться».

Через пару месяцев папу арестовали. В школу приехал следователь из прокуратуры, забрал меня с уроков и восемь часов держал на допросе, пытаясь узнать: кто занимался с детьми, кто проповедовал и какую работу вёл мой папа в церкви. Потом был суд. На нём я увидела папу улыбающегося, он сидел на скамейке и махал нам рукой.

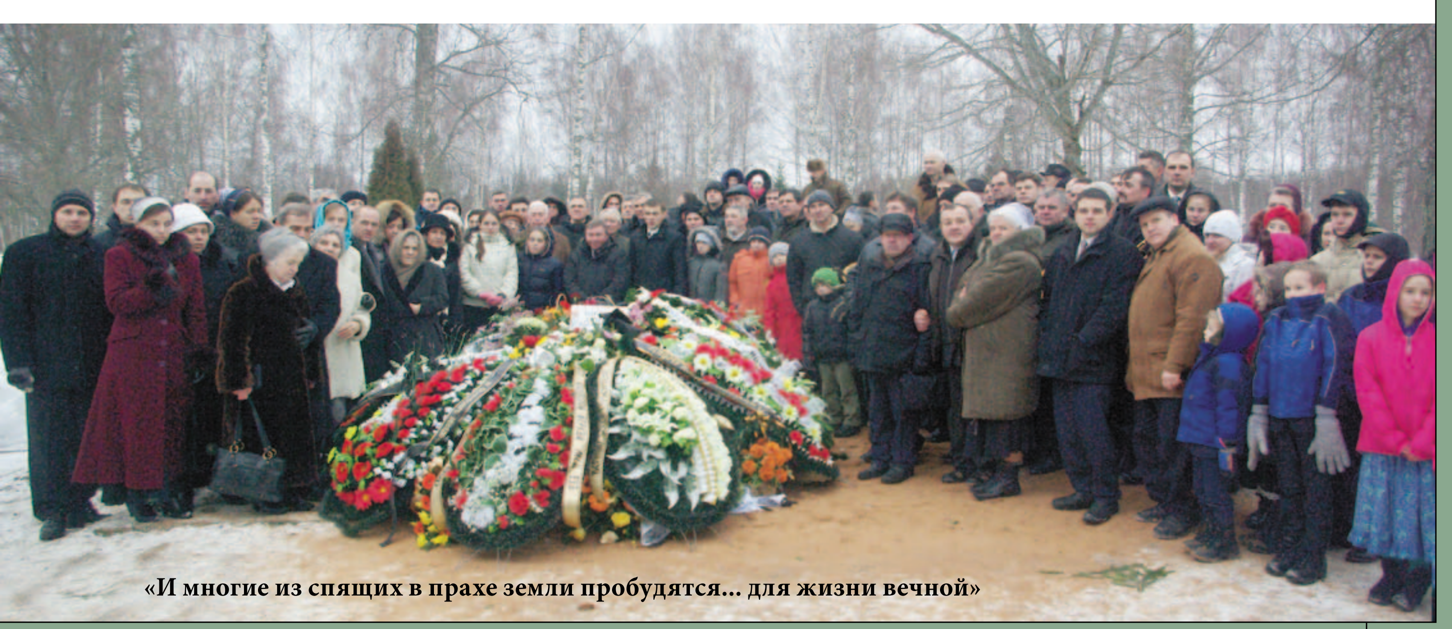
Мы с мамой ездили к папе на свидания. Помню такой эпизод. Мама ожидала ребёнка и везла нас, четверых, к папе. Вышли на какой-то станции в Красноярском крае. Был вечер. Зима. Очень холодно. Мама успела снять со ступенек поезда нас, все сумки, пакеты, кульки, и поезд ушёл. Мы остались на этой пустынной станции, где не было никаких домов. Вдалеке горели огни, виднелась проволока — это лагерь. Мама со всеми сумками и с нами, маленькими, пошла туда, потому что там — наш папа.

«У нас личное свидание на двое суток», — пояснила она наш приезд.

Дежурный открыл окошко: «Ваш муж лишён свидания...» Помню, как у мамы сумки выпали из рук и она просто разрыдалась. Села и очень долго плакала. Мне было лет 8, Саше — 6, Володе — 4 и Павлику два года. И мы вместе с мамой плакали и плакали. Следующего поезда нужно было ожидать сутки. Мы сидели в комнате и ждали поезда, чтобы поехать назад, так и не увидев папу.

Я прошла сложный путь и уже сама мама, имею семь детей и одиннадцать внуков, и знаю, что значит дети. Я всегда удивлялась и сейчас не перестаю удивляться, где можно было брать силу, чтобы пройти через эти трудности?! Папа в тюрьме, без него родились близнецы. Где можно было брать силу, узнав, что без него родились его дети и без него умерли?.. Где можно было брать силу, зная, что за стенами тюрьмы стоят твои дети, твоя жена и их не пускают к тебе? Где можно было брать отцу силу похоронить любимую жену и опять отправиться в далёкий-далёкий Магадан?!

Могу с уверенностью сказать, что только Бог, только Его любовь! Только Он способен давать эту силу! «Он даёт утомлённому силу и изнемогшему дарует крепость». Никакая сила воли не смогла бы помочь человеку

«И многие из спящих в прахе земли пробудятся... для жизни вечной»

пройти даже половину того, что прошёл наш папа. Но у нас есть живой Бог.

На протяжении всей жизни мы, как дети, ощущали нехватку отцовской любви, отцовской заботы, потому что его просто не было с нами. Он провёл 12 лет в тюрьме и 13 с половиной лет нёс служение в братстве, находясь на нелегальном положении.

Мы сегодня не скорбим, хотя разлука с папой печальна. Но я знаю, что он с Богом. Знаю, что ему там легко.

Павел **МИНЯКОВ** (сын)

Нам больно расставаться с отцом, но мы скорбим не так, как прочие, не имеющие надежды. Мы уповаем на живого Бога, дарующего нам эту надежду. Её имел и мой папа. Упование на Бога он пронёс через всю свою жизнь до последнего вздоха.

Я родился, когда папа сидел в тюрьме. Первый раз я его увидел в три года. Мне рассказывала мама, что папа взял меня на руки, а я его боялся и не называл папой, а просил: «Дядя, покажи это. Дядя, пойдем посмотрим то».

В нашей семье было 9 детей, не все выжили. Папы часто не было дома, мы росли без него. Он не смог дать нам отцовское воспитание, но он сделал намного больше. Он показал своей жизнью, как надо жить. Он очень любил Господа и церковь. Он любил молиться. Он любил погибающие души, которые нуждались в спасении, и проповедовал им Слово Божье. Вот этот пример он оставил нам, детям.

За два месяца до моего ухода в армию умерла наша мама. Папа нёс служение в братстве, находясь на нелегальном положении. Его не было со мной в то время, когда мне нужна была его поддержка. Но он молился. Эти молитвы дали мне силы прожить в армии два года.

Я служил в армии, когда его арестовали. Через несколько лет после того, как отслужил, я женился. В это время папа находился в заключении. После свадьбы мы поехали к нему в зону далеко на Урал. Надели брачные одежды, пришли к начальству лагеря. И нам не дали даже несколько минут увидеться с ним, чтобы он благословил нас как детей на совместную жизнь. Но я знаю точно и уверен в том, что он молился, потому что знал, что мы находились за стенами зоны.

Благодаря его молитвам сегодня все мы, дети, служим Господу, и Господь обильно благословляет нас. Мы очень благодарны ему за молитвы.

От себя лично и от своей семьи я говорю большое спасибо Ксении Илларионовне. Последние годы его жизни она была ему верной помощницей, очень заботливо ухаживала за ним. Она полностью посвятила себя служению моему папе. Благодаря её чуткому сердцу и вниманию Бог продлил ему годы и он находился всегда в очень заботливых руках. Мы очень вам за это благодарны.

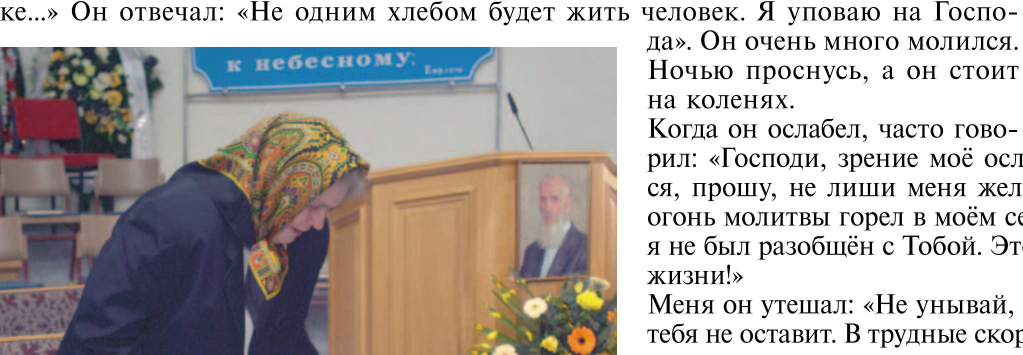
Хочу сказать большое спасибо всем, кто приехал разделить вместе с нами скорбь в эти трудные дни, всем, кто проделал долгий путь, чтобы проститься, поддержать и побыть вместе с нами на этом прощальном служении. Очень вам благодарны. Пусть Бог вас благословит. Аминь.

Ксения Илларионовна **МИНЯКОВА** (жена Д. В. Минякова)

Мы прожили с Дмитрием Васильевичем 26 лет. Казалось, пришли мирные годы, но трудностей и опасностей мы испытали много, так что иногда приходилось и ночи проводить в молитве. Он всегда говорил: «Господь сильнее всех, будем взирать только на Него».

Когда окончились тюремные скитания, Дмитрий Васильевич, помимо служения в Совете церквей, 5 лет нёс пресвитерское служение в церкви г. Сумы. Крещение преподавал по два раза в год. Если ему предстояло совершать вечерю Господню или крещение, он всегда поступал так: в четверг поужинает, а затем только в воскресенье вечером принимает пищу. Все эти дни он находился в посте. Его отговаривали: «Дмитрий Васильевич, ослабеешь в дни поста, не выдержишь, можешь пошатнуться в реке...» Он отвечал: «Не одним хлебом будет жить человек. Я уповаю на Господа». Он очень много молился. Ночью проснусь, а он стоит на коленях.

Когда он ослабел, часто говорил: «Господи, зрение моё ослабело, слух притупился, прошу, не лиши меня желания молиться! Чтобы огонь молитвы горел в моём сердце всё время, чтобы я не был разобщён с Тобой. Это самое главное в моей жизни!»

Меня он утешал: «Не унывай, уповай на Господа, Он тебя не оставит. В трудные скорбные минуты Он всегда нас хранил».

Я просила Господа: «Не допусти, чтобы он умер от рук нечистых. Дай ему скончаться дома». Он желал уснуть здесь, а проснуться у Господа. Так и получилось. Он теперь у Господа и там радуется, а я скорблю.

Анатолий КОБЗАРЬ, дьякон церкви г. Валга (муж внучки Алёны)

Поколение моего возраста Дмитрий Васильевич охарактеризовал так: «Вы — тепличные, парниковые». Сначала я не понял, что он имел в виду, а впоследствии уразумел. Находясь в теплице, растения защищены не только от опасностей, но и от ветра, от бурь. Растения, находящиеся в лесу или на открытом поле, укрепляются в непогоду. То есть поколение 70—80-х годов не знает, что̀ такое разгоны богослужений, штрафы, побои, аресты и суды, которые закалили христиан прежних лет.

Первую личную беседу с Дмитрием Васильевичем в 2001 году я вспоминаю с трепетом. Решая вопрос женитьбы, я пошёл к нему и открыл своё желание. Остальные часы нашего общения я молчал. В конце Дмитрий Васильевич сказал: «С тобой очень хорошо беседовать, ты умеешь слушать». Ему было 80 лет, когда он сочетал нас. Наставления, которые он дал нам, очень памятны и дороги.

Когда я строил свой дом, Дмитрий Васильевич приходил, обходил весь участок, находил укромное место и совершал молитву. По завершении всех работ мы пригласили Дмитрия Васильевича совершить молитву благословения. Он обошёл все комнаты и заметил, что на чердак ведёт незаметная дверь, куда можно попасть по складывающейся лестнице. Я показал ему это помещение. Он изменился в лице и спросил: «Кто-нибудь ещё знает об этой двери, ведущей наверх? Ты храни это помещение. Может прийти такое время, когда оно пригодится...» Я понял его опасения. Он знал, что в братстве многие служения совершались в потаённых местах, и ему это было очень дорого.

На старческие немощи он никогда не жаловался. Никогда мы не слышали из его уст ропота.

Поколению моего возраста я желаю с почтением относиться к старцам, сохранившим верность Богу в тюрьмах, на допросах и никогда не ставшим на путь компромисса с миром. Старцы видят опасности наперёд и многому доброму могут научить нас.

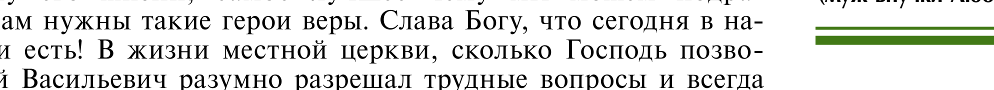
Олег ДУБРАВСКИЙ (муж внучки Любы)

«Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцом Моим на престоле Его» (Откр. 3, 21). Для меня Дмитрий Васильевич — дедушка, я женился на его внучке Любе, которой он дал это имя, когда находился в узах. «Любовь — это самое главное! Любить Бога, любить братьев, любить церковь». Он всю жизнь это делал.

Видя жизнь Дмитрия Васильевича, его отношение к Богу, к церкви, к Слову Божьему, можно без преувеличения сказать, что это — герой веры. Я очень благодарен, что Бог явил мне милость быть в церкви, где он совершал служение. Никогда он не боялся умереть за Бога, никогда не цеплялся за временное благополучие. Это ему было чуждо. Думаю, это подтвердят все.

Разговаривать с ним для меня было честью, многому я научился у него.

Взирая на кончину его жизни, самое лучшее чему мы можем подражать, — это его вере. Нам нужны такие герои веры. Слава Богу, что сегодня в нашем братстве эти герои есть! В жизни местной церкви, сколько Господь позволил мне быть, Дмитрий Васильевич разумно разрешал трудные вопросы и всегда шёл верным путём, никогда не сворачивал. Будем подражать Господу и вере Дмитрия Васильевича.

Владимир Григорьев (муж внучки Лили)

С дедушкой я познакомился в 2008 году, когда решал вопрос женитьбы. Я из Москвы. Когда ехал в Россию, всегда заходил к нему, чтобы помолился на дорогу.

— Возьми меня с собой, — просил Дмитрий Васильевич. — Хочу с братьями встретиться.

— Хорошо. — Заезжаю.

— Ну что, поедете?

— Да я поехал бы, но уже тяжело...

Я удивлялся: ему столько лет, а он рвется к братьям.

У нас не было детей... Пошли к дедушке: «Хотите, чтобы Бог послал вам детей?» — «Конечно!» — «Сколько?» — «Сколько Бог даст...» — «Хорошо, давайте помолимся.»

Дедушка молился: «Господи, пошли им пять детей, шесть, а лучше — восемь».

Через месяц узнаём, что у нас будет ребёнок! Слава Богу, Он ответил на молитву дедушки.

Внучка НЕЛЛИ (дочь А. МИНЯКОВА)

Нам будет очень недоставать дедушкиных молитв. Со всякими проблемами мы всегда приходили к нему, и он с бабушкой назначал пост и молился о нас. Он часто в проповеди повторял слова из песни:

Чтоб всю радость познать,
Нужно всё нам отдать...

«А себя куда?» — задавал он вопрос слушателям и сам отвечал: «И себя на алтарь принести!» — значит, всё отдать для Бога!

Мы старались подарить ему что-то новенькое, он никогда ничего не хотел брать: «Зачем всё это?! Что мы возьмём с собой в небо? Ничего».

Он только молился.

Соболезн

От объединений МСЦ ЕХБ

Белорусское
Западно-Украинское
Курско-Рязанское
Молдавское
Сибирское
Среднеазиатское
Уральское
Американское

От церквей братства МСЦ ЕХБ

г. Ахтырка, Украина
г. Барнаул
г. Белово, Кемеровская обл.
г. Бендеры, Приднестровье
г. Волгоград
г. Гурьевск, Кемеровская обл.
г. Дергачи, Харьковская обл.
г. Джамбул (Тараз)
г. Ейск
г. Жезказган
г. Железногорск
г. Ипатово, Ставроп. край
г. Иркутск
г. Калуга
г. Кишинёв, 2-я церковь
г. Кок-янгак, Киргизия
г. Кулунда
г. Ковель
с. Кировское, Крым
пгт. Краснобродский, Кемеров. обл.
Краснодарский край
г. Красноуфимск, Сверд. обл.
г. Лабинск, Краснодар. край
с. Лазаревское, г. Сочи
г. Леова, Молдавия
г. Луганск
г. Любучаны, Москов. обл.
г. Магнитогорск
г. Мелитополь
с. Мильково, Камчатка
г. Москва, Царицыно
г. Мурманск
г. Новоград-Волынск
г. Петропавловск-Камчатский
г. Полысаево, Кемеровская обл.
пгт. Ровеньки, Белгородская
г. Самарканд
г. Северодвинск, Архангел. обл.
г. Семёнов, Нижегородская
г. Тамбов
г. Ташкент, Узбекистан
г. Томск
г. Троицкое, Ростовская обл.
г. Тула
г. Украинка, Киевская обл.
г. Фергана, Узбекистан
г. Чернигов
г. Чебоксары
г. Шахтинск, Казахстан
г. Южно-Сахалинск
Хабаровский край
от из-ва «Христианин»
от сотрудников журнала «Вестник истины»

Личные

Асаф Бонин, Германия
Бальжик В., США
Батурины, Волгоград
Бровер А., США
Везиковы, США
Владимир, Украина
Гауф Эвальд, Германия
Захаровы и Бублик, США
Золотухины, Железногорск
Иванова Л., Троицкое, Ростов.
Куркины, Дмитровск
Олег, Тамбов
Полищук Н. П., Н.-Волынск
Русавук, г. Спокен, США
Сигарёва Валентина
Сигарёвы, Лабинск
Скорняковы, Калуга
Стрелковы, Железногорск
Стрелковы, США
Тарасов В., Германия
Фот Петр, Германия

Из-за рубежа

Русская Евангельская Миссия Охотина, США
миссия ЕМО, Германия
гг. Гифорн и Ганнофер, Герм.
г. Гуммерсбах, Германия
церковь г. Дюммлингхаузен, Германия
церковь г. Норт Порт, США
церковь г. Хеннеф-Брёль, Германия

ОВАНИЯ

Барнаульская церковь

«...Они стремились к лучшему, то есть, к небесному...» Евр. 11, 16.

Дорогие друзья, все родные, нашего дорогого брата и служителя Дмитрия Васильевича Минякова!

Барнаульская церковь вместе с вами разделяет скорбь. С благодарностью Богу мы вспоминаем те годы, когда Дмитрий Васильевич был служителем в нашей церкви. Он стоял у истоков пробуждения, и потом всегда показывал образец верности и стойкости.

Мы вспоминаем о нём, как о несгибаемом воине, и в то же время, как о пастыре, способном показать добрый пример для народа Божьего.

«Дорога̀ в очах Господних смерть святых Его!» Пс. 115, 6.

2-я Кишинёвская церковь

Наши чувства соболезнования сменяются благоговейной благодарностью Богу за жизнь, служение и страдания дорогого служителя... От сердца хотим подражать вере, святой и всецело посвященной Богу жизни, какую видели в дорогом брате. И особенно — редкому дару в наши дни — бесстрашию перед страданиями.

Да утешит Господь скорбящих и да даст нам, живым, занять это место, которое многие обходят стороной — место страдальца за имя Иисуса Христа.

Сибирское объединение

О Дмитрии Васильевиче смело можно говорить как о верном воине Иисуса Христа. Своей жизнью он засвидетельствовал бесконечную преданность и любовь к Господу. Сколько пройдено им нелёгких дорог! Сколько пролито слёз, сколько боли, страданий и разлук перенёс этот Божий подвижник!

Не удержать души в стране земной,
Когда её домой зовёт Всевышний...
Уходит в небо близкий и родной —
И небеса становятся нам ближе.

Церкви Христовы Краснодарского края

Дмитрий Васильевич принадлежал к числу верных служителей Божьих, которые в назначенное для них время встали в проломе за дело Господне, чтобы врата ада не одолели церкви... Ему пришлось перенести многолетние узы и скитания ради служения своему Спасителю и Его избранному народу...

Бог почтил Дмитрия Васильевича долголетием уже здесь, на земле и дал ему увидеть плоды его подвижничества...

Виктор Кузьмич Моша

Мы верим, что боль временной разлуки снимут слова Спасителя: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11, 25).

«Благодарим Бога, что в лице Дмитрия Васильевича мы имели добрый пример служения Церкви Христовой, верности в следовании за Господом.

То духовное наследие, что досталось нам, мы хотим воплотить и приумножить в жизни всей церкви, чтобы и молодое поколение детей Божьих могло так же сказать и о нашем служении, как мы сейчас говорим о служении нашего дорогого брата.

Да благословит нас всех Господь подвизаться за веру евангельскую единодушно до пришествия Господа за Своей возлюбленной невестой».

С любовью братья и сёстры церкви г. Украинка Киевской области

«Пронесут имя ваше, как бесчестное...»

Лук. 6, 22

Избитый метод борьбы с верующими — отборная клевета. Ни один судебный процесс не обошёлся без умышленного очернительства, если на скамье подсудимых находился служитель Совета церквей. Эстонские органы правосудия — не исключение. Они тоже воспользовались ложными измышлениями прессы, о чём Уполномоченный Совета по делам религии Эстонии докладывал в Москву Куроедову В. А.:

«В порядке информации высылаем Вам статью, опубликованную 13 декабря с. г. в газете "Молодёжь Эстонии", в связи с парализацией враждебной деятельности сектанта Д. Минякова.

Материал опубликован в соответствии с профилактическим комплексным планом...»

Уполномоченный Совета Л. И. Пийп

В «комплексный план», как известно, входили не только газетные вымыслы, преследующие цель опорочить доброе имя Дмитрия Васильевича, но и подложные письма сотрудников КГБ, и шантаж, и вымогательства. Через всё это прошёл Дмитрий Васильевич, пока полгода находился под следствием в таллинской тюрьме.

Дмитрия Васильевича обвиняли в том, что он без регистрации проводил совещания, богослужения и проповедовал на них, «систематически нарушая Законодательство о религиозных культах». Виновным себя он не признал и сказал, что его служение — это тайна церкви, и государство не вправе вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви. От дачи показаний он отказался, заявив, что не желает принимать участие в судебном разбирательстве, потому что нарушены его права. «Я сожалею, — сказал Дмитрий Васильевич, — что мало занимался религиозной деятельностью».

Его осудили на 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием в колонии строгого режима. Несовершеннолетнего сына — Евгения Минякова — решением суда определили передать на попечение органам опеки.

Колымская земля неприветлива по своей суровой стати.

«Ты всем надоел!— гневно встретило Дмитрия Васильевича лагерное начальство. — Когда ты — на свободе, миллионы затрачиваются на твой розыск! Когда ты — за решёткой, сотни писем и телеграмм приходит в лагерь! Нам звонят даже из Америки! Ты хочешь вечно жить?! Мы твоё желание исполним: похороним тебя в вечной мерзлоте — вечно лежать будешь, не испортишься!»

Вскоре Дмитрия Васильевича переправили в Сусуман, в самую северную точку (650 км от Магадана), куда без спецпропуска не проедешь. Там он страдал от приступов астмы, задыхался. Ему назначили уколы, от которых ему становилось ещё хуже. Медсестра осторожно предупредила: «Откажись от этих уколов, тебя пытаются отравить...»

Его поместили в холодную одиночную камеру. На нарах — нечто похожее на тюфяк и грязное одеяло. Когда Дмитрия Васильевича вызывали в процедурную, шприц уже был заполнен. Он пытался спросить у медсестры, что это за лекарство? Она молча выливала в раковину содержимое шприца. Брала другое лекарство, вливала, и Дмитрию Васильевичу не было плохо.

Однажды, когда он уже не мог ходить, в одиночную камеру пришли врач и медсестра. У неё руки тряслись, она не могла сделать укол.

«Дай сюда шприц! — разгневалась врач и уверенно сделала злое дело. — Тебе будет сначала очень плохо, а потом станет очень хорошо!» — сказала она, уходя.

«Раньше у меня никогда не болело сердце, — вспоминал Дмитрий Васильевич, — а после этого укола — словно огнём горело.

Я метался, не зная, что предпринять, хотя по натуре я — терпеливый. Мне зубы выламывали во время принудительного кормления... Но это — не та боль. Чудом Божьим я остался жив».

Прошло достаточно времени, и Дмитрий Васильевич встретился с этим врачом. Она не могла скрыть удивления.

— Ты живой?!

— Если вы лечили, чтобы сохранить мне жизнь, то благо вам будет от Бога. А если делали всё, что-

бы я поскорее умер, — какой вред вы причинили собственной душе! — засвидетельствовал Дмитрий Васильевич.

За полгода до освобождения Дмитрия Васильевича этапом доставили в лагерь Куйбышевской области. К нему на свидание приехали дети и внуки. Он знал об этом, но так и не смог дождаться встречи. Позже выяснилось: бригадир лишил его свидания за то, что Дмитрий Васильевич не выполнял норму по вязанию сеток, а ему объясняли: «Дети отказались от такого отца, как ты, и уехали».

И только освободившись, Дмитрий Васильевич узнал, что, кроме бригадира, ещё и начальник лагеря лишал его свидания. Он, оказывается, послал женщину сказать детям: «Если хотите увидеть отца живым, немедленно уезжайте!» И дети в печали уехали.

Это происходило в то время, когда служителей Совета церквей без выхода на свободу осуждали на новый срок.

За несколько дней до конца срока Дмитрия Васильевича перевезли из лагеря г. Куйбышева в КПЗ города Валги, откуда он и освободился.

21 января 1986 г. состоялось благодарственное служение, посвящённое возвращению из уз дорогого служителя. Сотрудники власти полтора часа препятствовали богослужению. И только в воскресенье, 26 января, состоялась встреча с узником, на которую прибыло около 400 друзей Дмитрия Васильевича.

По освобождении Дмитрий Васильевич два года находился под надзором: после 18 часов он не имел права появиться в общественных местах и должен отмечаться в отделении милиции.

В 1986 году Дмитрий Васильевич женился вторично на боящейся Господа сестре Ксении Илларионовне Адамовой. С первой женой Дмитрий Васильевич прожил 27 лет, со второй — 26. Но это уже были старческие годы, и весьма кстати с утомлённым скитаниями служителем оказалась рядом заботливая и услужливая Ксения Илларионовна.

Краткие записи судебного процесса над служителем Совета церквей Д. В. Миняковым

Барнаул, 14—15 февраля 1968 г.

До начала судебного разбирательства зал заседания заполнили атеистами, враждебно настроенными против верующих. Друзьям подсудимого, лишь некоторым, удалось пройти с большим трудом.

При входе в зал суда Дмитрий Васильевич сказал: «Приветствую детей Божьих любовью Господа Иисуса Христа!» Друзья ответили взаимным приветствием.

Подойдя к скамье подсудимых, Дмитрий Васильевич обратился к неверующим: «Исполнилось время, приблизилось Царство Небесное! Покайтесь и веруйте в Евангелие». Пока судья зачитывала обвинительное заключение, он склонился на колени и молился.

Судья: Вы согласны с обвинительным заключением?

Миняков: Таков путь христианина. Его всегда будут обвинять за веру в Бога.

Судья: Где вы учились?

Миняков: В тюрьме.

Судья: Где работали?

Миняков: В церкви.

Судья: Вы доверяете суду?

Миняков: По вашему решению разрушен жилой дом многодетной семьи верующего Гауф. Это очень жестоко.

Судья: Вам понятны ваши права?

Миняков: Я лишён всех прав. Адвокат мне не нужен.

Судья: Почему верующие пели в здании крайисполкома и мешали работать?

Миняков: Мы пришли в крайисполком в 7 часов вечера, рабочий день закончился, мешать было некому. На второй день мы пришли утром. Нас хотели завести со двора, где намеревались с нами расправиться. Мы стояли на улице, пели и молились.

Судья: Почему произошло столкновение?

Миняков: По пути домой на Ленинском проспекте на нас набросились нетрезвые молодые люди и стали избивать. Молодых братьев пытались вырвать из толпы мирно идущих верующих. Тогда мы взялись за руки, шли и пели.

Судья: Вы нарушаете закон.

Миняков: Тем, что пели, взявшись за руки? Разве это нарушение?

Судья: В каких городах вы были?

Миняков: В тех, где есть верующие, я там был и молился с ними.

Судья: Когда вас избрали в Совет церквей?

Миняков: Это не относится к моему обвинению.

Судья: Зачем обучаете детей религии?

Миняков: Ещё ребёнок не родился, а верующие родители молятся, чтобы он принадлежал Господу.

Судья: Зачем втягиваете детей в секту?

Миняков: А зачем вы с ясельного возраста навязываете детям атеизм? Говорите, что Бога нет.

Судья: Кто организовал поездку в Москву?

Миняков: Гонители. Они не давали нам спокойно провести ни одно богослужение. Нас били, переписывали, штрафовали.

Судья: Кто вам разрешил распространять религиозную литературу?
Миняков: Запрета на это нет, поэтому мы распространяли, и будем распространять Божье Слово.
Судья: Почему вы не работаете?
Миняков: На производстве есть освобождённый от работы комсорг. Верующие мне доверили совершать служение с отрывом от производственной работы.
Судья: У вас изъяли записную книжку, где вашей рукой написано: «Повезли "Братские листки"», как понять?
Миняков: Это написано не для атеистов, а верующим всё понятно.
Судья: Вашей рукой написано: «Кузьма Матвеевич тянет в регистрацию» — что это означает?
Миняков: Атеисты через уполномоченного запугали его, что арестуют, вот он и ратует за регистрацию.
Судья: Вы против регистрации?
Миняков: Да, против греховной регистрации.
Судья: Вы даёте поручения верующим?
Миняков: Разумеется.
Судья: В журнале «Вестник спасения» есть статьи для детей. С какой целью они помещены?
Миняков: Чтобы дети узнали о Боге.
Судья: Почему требуете отмены Законодательства о религиозных культах?
Миняков: Оно противозаконно.
Судья: Вы написали в записной книжке: «О наградах». О каких?
Миняков: В нашем братстве осуждены за верность Богу 250 узников. В Библии о таких безвинно страдающих сказано: «Велика ваша награда на небесах». Если вы не будете нас судить, награды нам не будет.
Судья: В составлении Устава Совета церквей вы принимали участие?
Миняков: Да.
Судья: Вам понятно, что вы нелегальны?
Миняков: Согласно доводам воинствующих атеистов верующие даже живут нелегально, дышат нелегально, едят хлеб нелегально. К сожалению, вы не знаете, что и вы, и мы живём исключительно благодаря милости Божьей.
Судья: Евангелие запрещает сопротивляться властям.
Миняков: Если власти хотят меня затянуть в ад, я, конечно, буду сопротивляться.
Судья: В Новосибирске вы были? Кто им сказал, что вас били в крайисполкоме?
Миняков: Синяки на спине.
Судья: Вас лично били?
Миняков: Нас всех вместе били.
Судья: Какие вопросы решали в Новосибирске?
Миняков: Какие решали, те и решили.
Судья: В записной книжке отмечено: «Гончаров отчитывался», перед кем?
Миняков: Перед верующими и перед Богом.
Судья: Он мог дома отчитываться?
Миняков: Вы отчитываетесь дома перед партбилетом?

Свидетель Моисеенко С. М. (Павлодар)

Судья: Расскажите о деятельности Минякова.
Моисеенко: Знаю его как брата во Христе, который чтит Бога, как я. Другого говорить не могу.
Судья: Что вы знаете о поездке в Москву?
Моисеенко: Я сам ездил.
Судья: Кто вас послал?
Моисеенко: Беззакония, совершаемые властями на местах.
Судья: Где встречались с Миняковым?
Моисеенко: Где была возможность.

Свидетель Воробьёв (Томск)

Судья: Распишитесь, что не будете давать ложные показания.
Воробьёв: К злому делу да не приложится рука моя.
Судья: Какое зло имеете в виду?
Воробьёв: Суд над верующими.
Судья: С какого времени знаете Минякова?
Воробьёв: Я знаю не только Минякова.
Судья: Расскажите о деятельности Минякова.
Воробьёв: В Библии сказано давать отчёт о своём уповании, а не об уповании брата.
Судья: Где это написано?
Воробьёв: Вы хотите, чтобы я проповедовал? Дайте Библию...

Свидетель Айрих (Барнаул)

Судья: Что знаете о Минякове?
Айрих: Он ревностно боролся за чистоту церкви, когда гонители вмешивались во внутренние дела.
Судья: Ваша община избирала Минякова?
Айрих: Это дело церкви.
Судья: Что вы знаете о религиозной литературе?
Айрих: Знаю, что её у нас очень мало.
Судья: Откуда её получали?
Айрих: Недругам на такие вопросы не отвечаю.
Судья: Почему?
Айрих: Вы обезглавливаете семьи, арестовывая отцов.
Судья: Почему не регистрируетесь?
Айрих: Советская власть не регистрирует.
Судья: Почему обучаете религии с детства?
Айрих: А почему вы моих детей принуждаете с первого класса вступать в октябрята, в пионеры?

Свидетель Лебедев М. Г. (Барнаул)

Судья: Какое у вас образование?
Лебедев: Сколько Господь дал, я благодарен Ему.
Судья: Что знаете о Минякове?
Лебедев: В Библии сказано: «Кто думает, что он

знает что-нибудь, тот ничего ещё не знает так, как должно знать».

Судья: Минякова знаете?

Лебедев: Я не знаю, почему он здесь стоит.

Судья: А где он должен быть?

Лебедев: Он должен быть там, где церковь его поставила.

Судья недовольно закрыл папку и объявил перерыв до 10 утра 15 февраля.

Перед началом суда у здания выстроили верующих и старушек пропустили, а молодых посадили в машину и вывезли за город. Дмитрий Васильевич и в этот день склонил колени у скамьи подсудимых и молился. Несколько друзей в зале поддержали узника и встали. Рядом сидящие атеисты троих силой усадили на место, а одного брата вывели из зала.

Судья стал зачитывать показания не явившихся свидетелей.

Судья: Миняков, свидетели правильно говорят?

Миняков: Вы хотите нас поссорить? Я не знаю, при каких обстоятельствах они давали показания и заочно не хочу судить.

Общественный обвинитель, директор школы, где учатся дети Минякова, обвинил брата в религиозном воспитании детей и попросил суд наказать подсудимого по всей строгости закона.

Прокурор стремился доказать, что в нашей стране свобода вероисповедания и за веру не судят, а только за преступления. Предлагал приговорить Минякова к трём годам лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима.

Защитительная речь Д. В. Минякова

Граждане судьи и присутствующие в зале! Вы не знаете доподлинно жизнь верующих и судите о нас по атеистическим клеветническим лекциям. Слушая речь прокурора, я сделал вывод: верующим в нашей стране позволено собираться только в больнице, в доме умирающего и на кладбище.

Моё уголовное дело сдадут в архив, но придёт время (при жизни или только после моей смерти) мои дети и внуки узнают, за что судили их отца и деда. Я благодарен Господу, что служители нашего братства, в том числе и я, не позволили атеистам руководить нашими душами и хозяйничать в церкви. За каждым верующим закреплено 3—4 атеиста, но, несмотря на это, вы не смогли отвлечь от Бога хотя бы одну старушку.

В обвинительном заключении моего уголовного дела трижды отмечено, что государство регулирует жизнь церкви, то есть проникает в её внутреннюю жизнь. Это единственное, что написано верно. Но это же противозаконно, и за это вам, уважаемые судьи, придётся дать отчёт перед Богом.

Раньше практиковались диспуты, где каждый свободно мог высказать своё мнение. Сегодня, если я скажу вашему ребёнку или даже своему, что есть Бог, то это считается насилием и уголовно наказуемым делом. Предоставьте родителям возможность воспитывать своих детей так, как они считают верным. Зачем утверждать, что только государство имеет право воспитывать наших детей? Укажите конкретную статью, которая лишила нас права воспитывать своих детей. Её нет. Это беззаконие.

Немногие из атеистов читали Библию и знают историю Божьего народа. Как судили искренних верующих в древности, так сегодня без вины лишают свободы любящих Господа — разницы нет. Навуходоносор построил громадный золотой истукан и издал указ: кто не поклонится истукану, будет брошен в раскалённую огнём печь. Нашлись три богобоязненных юноши, которые сказали царю: «Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи... Если же и не будет того, то... мы богам твоим служить не будем, и золотому истукану не поклонимся».

Зная, что атеистический закон ведёт церковь в ад, мы такому закону покоряться не будем. Знали бы вы жизнь верующих, то не судили бы их, а учились у них, как служить Богу и как не попасть в ад.

Всего 9 лет (с 1918 по 1927 гг.) за верующими сохранялось право на свободную проповедь Евангелия. Любой проповедник мог собрать народ и провести богослужение, и это не считалось нарушением закона. В 1937 году всех искренних верующих изолировали от общества и, можно сказать, уничтожили. Отняли почти все молитвенные дома. Сейчас, кажется, изменился строй, но для верующих ничего не изменилось. Служитель нашего братства Николай Петрович Храпов 25-й год томится в неволе за веру в Бога.

Председатель Совета по делам религий В. А. Куроедов заявил, что для регистрации общины не нужны сведения о внутренней жизни церкви. На самом деле, если верующие не дают полных сведений, общину не регистрируют и подвергают репрессиям, как нелегальную. В 1961 году сняты с регистрации общины в г. Тальменке, в Новоалтайске, в Славгороде. В этом же году закрыли единственный в Алтайском крае молитвенный дом в Барнауле, а верующие как собирались, так и собираются. Власти, видя, что упустили контроль над верующими, открыли дом молитвы, чтобы осведомители докладывали о внутрицерковной жизни.

Зарегистрированным общинам дают льготы: предоставляют дома молитвы и даже поставляют пресвитеров. Но какого пресвитера могут прислать атеисты? Того, который будет осуществлять их планы по низложению церкви. Разве это не вмешательство во внутренние дела церкви?

Когда отступника Саблина устроили на работу в Барнаульскую церковь, некоторые верующие благодарили уполномоченного: «Бог послал нам Саблина!» Уполномоченный уточнил: «Я — ваш бог! Я поставил его!»

Сотрудники милиции и дружинники постоянно разгоняют наши богослужения. Молящихся

верующих влачат в машины, душат до посинения. Мы молимся не потому, что нам даны права. Если бы их не было, мы всё равно бы молились. Как гражданин я не противлюсь власти. Но если я желаю помолиться Богу, а мне говорят, что прежде нужно спросить разрешения у человека, я буду противиться и не слушать человека, хотя он и облечён властью.

В 1963 году меня и четырёх моих друзей судили по 227 статье «за нарушение Законодательства о религиозных культах». Решением Верховного суда мы были реабилитированы. Теперь вы обвиняете меня по 142 статье по тому же делу. Скажите, когда вы поступали правильно: когда реабилитировали или когда снова судите за то же самое?

В моём доме проходили богослужения, — разве это нарушение общественного порядка?! Это личный дом! Вы говорите: «У соседа открыта дверь». Пусть закроет, если мы ему мешаем. Уж не так громко мы поём!..

Я верю, что буду реабилитирован, если не при жизни, то после смерти. Как гражданин я в руках суда, как христианин — я всегда в руках Господа. По несправедливым человеческим судам мы ещё больше убеждаемся, что есть Бог!

В результате повальных арестов и обысков верующие лишились духовной литературы. Мы вынуждены пользоваться кустарным печатным методом, что очень трудно. Люди днём работают, а ночью печатают, а атеисты отбирают духовную литературу мешками. Кто дал вам право? Где такой закон? Ведь это наша собственность и печаталась литература не для атеистов, а для нас. На каком основании изымаются «Братские листки», журналы? Да, в нашей литературе есть призывы: «Противостаньте твёрдою верою», «Дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить», — но это не значит, что мы атеистов называем дьяволами. Зачем искажать, если не знаете духовное значение библейских текстов?

Судья: Говорите конкретно по процессу. Почему детей вовлекаете в секту?

Миняков: Если в школе два учителя держат ребёнка, а третий надевает на него галстук — это свобода? Придя домой, ребёнок говорит: «Никогда не буду пионером!» Верующих детей бьют, — это разве не насилие? Почему родители не должны заступаться за своих детей? Мы готовы умереть за наших детей.

Наших детей обвиняют в том, что они поют о небе. Ваши дети поют: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо». А почему наши дети не могут петь:

«Мой дом в стране небесной
Среди живых цветов,
Где сад растёт чудесный,
Где царствует любовь»?

Конституция гарантирует, что дети могут обучаться религии частным образом. Частным — значит не под вѐдением государства!

Почему мои дети — государственная собственность? Я могу своих детей привести к детям других верующих и рассказывать им о Боге. — Декрет предоставляет мне это право.

Что касается шествия в крайисполком. Прежде, чем идти, мы писали в правительство, оно давало указание местным властям разобраться, а они не хотят и разгоняют. В 1965 году сельским верующим не выдавали заработанный хлеб и корм скоту. Почему следствие не интересовалось, чем вызвано шествие, а добивались узнать, кто его организовал? В шествии участвовали в основном верующие из сёл.

В крайисполкоме с нами разговаривали около 5 часов и пообещали расследовать, председатель крайисполкома удовлетворил некоторые просьбы. От той свободы, что имеют сейчас верующие, хоть в гроб ложись. Верующих в крайисполкоме было 100 человек и — ни окурков внизу, ни дыма вверху. Почему не был в свидетелях дежурный сотрудник, который стоял у входа в крайисполком? Потому что маленький атеист не заинтересован в моём наказании.

Мы стояли в углу. Не пели, молились. Жаль, что не пели.

Судья *(перебивает)*: Вы не рассказываете, как Совет церквей организовывал обучение детей.

Миняков: Меня обвиняют в организации занятий с детьми. Якова Биля и Петра Гиберта уже осудили за организацию обучения детей. Получается: я организовывал Биля, а меня кто? Семь человек осуждены за организацию, и я в том числе, так кто же тогда организовывал? Если бы меня осудили за организацию, а с Биля сняли обвинение в организации занятий, то я принял бы вину за всю страну.

Родители сами имеют право заниматься с детьми. Если у одной матери нет времени заниматься с детьми, другая заменит её. Это не является нарушением закона, а в статье сказано: «С нарушением». Мы обучаем без нарушения. Не надо уводить детей из школы на допрос к прокурору и держать по 3—4 часа. Атеисты практикуются на душах наших детей.

Заключительное слово Д. В. Минякова

Меня судят как христианина, как верующего, не пожелавшего оскорбить Господа. Если бы с моей стороны я уступил гонителям хотя в малом, я бы не стоял здесь.

Бог есть! Есть и суд Божий, и он состоится, и мы ещё встретимся, но, увы, окажемся в разных местах.

Прошу суд учесть, что все мы смертны, но души наши бессмертны. В тюрьме, я знаю, мне будет трудно, но в тюрьме будет томиться не душа моя, а тело. Я верю, что Бог даст силы устоять и быть верным до конца.

«Народ Христа, ты жил и будешь жить! Борцы Сиона, выше знамя!» — эти слова Дмитрий Васильевич адресовал присутствующим верующим.

ПАМЯТИ Д. В. МИНЯКОВА

Не обойтись без прощальных стихов,
Без телеграмм, направляемых срочно:
Дмитрий Васильевич, брат Миняков,
Путь многотрудный, тернистый закончил.

Он со Христом не нарушил завет,
Заповедь верности выполнив точно.
Повесть писалась о нём много лет,
Жизнь прервалась, и поставлена точка.

Кончился путь поношений и слёз,
Шёл брат четырежды смело в темницу.
Он мог сказать: «Для меня жизнь — Христос,
Он мне отвёл в книге жизни страницу».

47 лет был в Совете церквей
Старец смиренный, почивший сегодня,
Богу он с братством служил жизнью всей,
Старца хранила десница Господня.

В братстве гонимых он был патриарх,
Возраст солидный был Богом подарен.
Хоть для служенья он был очень стар,
Но взор с молитвой был к небу направлен.

Все люди смертны на этой земле,
Дарит бессмертье Христос лишь — Спаситель.
Чей-то путь жизни исчезнет во мгле,
Верным готовится в небе обитель.

Верим, наш брат, ты в обитель войдёшь,
Многим твоя жизнь послужит примером.
В небе тебя ждёт Христос, верных Вождь,
Он воскресит в воскресении первом.

Примет земля только твой бренный прах,
Странники здесь мы, а странник — не вечен.
Жительство верных Христу — в небесах...
Мы расстаёмся до радостной встречи!

Е. Н. Пушков

БРАТУ Д. В. МИНЯКОВУ
посвящается...

Умер брат Миняков, наш наставник и друг,
Взял Владыка его от страданий
В ту страну, где нет туч, нет метелей и вьюг,
Не поёт песнь унылую странник.

Брат испытан в борьбе был не раз и не два,
Побеждал он врага твёрдой верой.
Иисус Искупитель его вдохновлял —
Благодатью Своею безмерной.

Клеветали враги, не жалея чернил,
Чтоб сразить, растоптать, уничтожить.
Девяносто наш брат, и ещё год прожил,
Потому что тропою шёл Божьей.

Среди первых он истины знамя поднял,
И в проломе стоял без боязни!
Как солдат на посту, рубежи охранял,
Не поддерживал с внешними связи.

В книге Жизни записано имя его.
Не сотрётся оно, не поблекнет —
Он пред Богом ходил, как когда-то Енох,
И ушёл в небеса незаметно.

В. Стрелков

«Верующий в Меня, если и умрет, оживет»
Иоан. 11,25

Мы верим в эти Божии слова,
И потому, скорбя, не унываем,
Когда не раз, и, может быть, не два
В последний путь любимых провожаем.
И вот опять... служитель, друг и брат...
Ему пришла пора переселиться.
Как спелый сноп он Господом пожат,
Чтоб в житнице небесной водвориться.
Он здесь любил, трудился и страдал,
О небе пел, неся свой крест в смиреньи,
Евангелие людям возвещал,
Пример оставив яркого горенья.
Нам дело Божье нужно продолжать.
И если даже тьма вокруг сгустится,
Давайте вере брата подражать,
Чтоб в оный день и нам не постыдиться!

В нашем братстве его уже нет.
Он покоится в Божьей деснице.
Освещает его чудный вечности свет,
Но печальны друзей, близких лица.

Боль разлуки гнетёт и туманит глаза,
Но Христос в горе нас утешает,
Тело смертно, бессмертна лишь только душа,
Это каждый из нас понимает.

Там нет горя, болезни, печали и слёз,
Нету зла, мы туда все стремимся.
Там блаженство, сияет во славе Христос.
И спасённых счастливые лица.

Теплым словом мы нашего брата почтим
В день февральский пред всеми в собранье.
Не: "Прощай навсегда" мы, друзья, говорим,
А: "До чудного в небе свиданья".

Молитва

90-летнего старца, человека Божьего, неутомимого воина Христа в день посещения его тружениками нивы Господней

Господь милосердный! Благодарю Тебя, Господа и Бога моего, за все Твои милости и благодеяния, за Твою вечную любовь, которой Ты возлюбил меня!

Благодарю за то, что Ты продлил жизнь мою до глубокой старости. Гонители кричали на меня: «Выбьем из тебя эту дурь!» — веру мою в Тебя. Но Ты, Господи, дал милость сохранить самое дорогое на земле — любовь к Тебе!

Тот, кто посвятил свою жизнь Тебе, никогда не будет сетовать: «Зачем я так поступил? Надо было для себя жить...» Нет! Никто не будет сожалеть! Самое дорогое я Тебе отдал, потому что Ты заплатил за нас самым бесценным, что можно иметь: Сына Своего Единородного отдал в уплату за наши грехи, и Он умер за нас, чтобы нам жить вместе с Ним. Смерть не могла разделить Его с Тобой. Ты проявил к Нему милость, и к нам её проявляешь.

Я благодарю Тебя за друзей, которых видел, и с которыми встречались, вместе жили и трудились... Слава Тебе, что Ты всё совершил для нас, совершаешь и будешь совершать в дальнейшем!

Я думаю, что мои дни на исходе, и чувствую, что мой переход очень близок. Благодарю Тебя, что перед этим Ты ободрил меня, хотя я и не страшился перехода, а ожидал его как самое ценное, когда переходишь из временного в вечное, из земного в небесное и от всего беззаконного здесь — во святое-святых. Это самое дорогое желание не оставляло меня никогда, и я благодарю Тебя, что Ты его исполняешь.

Ты прислал мне друзей, и мы вместе побыли и благодарим Тебя. Благослови их, сохрани, Сам проведи до старости, если Ты продлишь их жизнь, чтобы все были готовы к переходу, к переселению. Будь с нами и в этом вечере. Да славится Твое великое святое имя через нас и в нас, Отец Сын и Дух Святой. Аминь.

Д. В. МИНЯКОВ